

Светлана Сухомизская

ЛЕГКИЕ СЛЕДЫ

Светлана Сухомизская

Легкие следы

«Издательские решения»

2015

Сухомизская С.

Легкие следы / С. Сухомизская — «Издательские решения»,
2015

Она все время напевает себе под нос. Она постоянно теряет нужные вещи. Она не умеет носить короткие платья и высокие каблуки. И все-таки самый красивый мужчина на свете становится ее мужем. Она начинает новую жизнь. Но очень скоро обнаруживает, что ее жизни грозит смертельная опасность...

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	13
3	20
4	22
5	29
6	33
7	37
8	40
9	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Легкие следы

Светлана Сухомизская

Она никак не могла предположить, что этот самодовольный человек ею любит. Вместе с тем мысль, что он смотрит на нее, испытывая к ней неприязнь, казалась столь же несообразной. В конце концов, ей осталось объяснить его внимание тем, что среди присутствовавших в доме людей в ней он чаще всего подмечал несоответствие своим вкусам и взглядам. Эта догадка ничуть ее не огорчила. Он был ей настолько неприятен, что с его мнением о себе она не собиралась считаться.

Джейн Остен. «Гордость и предубеждение»¹

© Светлана Сухомизская, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Часть первая

1

Он позвонил в самый неподходящий момент.

Собрание только началось. Новое руководство, поприветствовав всех присутствующих, опустилось в кресло, положило ладони на стол и, слегка подавшись вперед, оглядело подчиненных доброжелательным взглядом волка, готового к броску на стадо овец. Как нарочно, мы с Нютой пришли на собрание последними, так что нам пришлось занять самые невыгодные места – прямо возле правого локтя начальства. И вот, когда в наступившей тишине – настолько полной, что слышно было, как жужжит, помаргивая, на потолке неисправная люминесцентная лампочка – когда в этой жуткой тишине начальство подняло глаза цвета нержавеющей стали и выдвинуло вперед подбородок с явным намерением заговорить, мобильник нежно зашептал в моем кармане голосом Джорджа Майкла. Мне даже не нужно было смотреть на дисплей, чтобы узнать, кому это так не вовремя вздумалось пообщаться со мной, – эту песню мой мобильный исполнял только для одного номера.

Вообще-то мне следовало поспешно отключить телефон и, спрятав нарушителя спокойствия от греха подальше, уставиться на новое начальство, подобно прочим согнанным в его кабинет потенциальным жертвам: с видом обреченной покорности судьбе и абсолютной готовности быть немедленно – и безропотно – съеденной. Но я слишком долго ждала этого звонка. Три недели. Двадцать суток и еще одиннадцать часов, если быть точной. Я не ответила бы на этот звонок только в одном случае – если бы лежала в плотно заколоченном гробу, медленно въезжающем в раскаленные недра крематорской печи. Да и то еще неизвестно.

Под нацеленными на меня нержавеющей стали остриями я вскочила, чуть не уронив стул, пропищала нечленораздельное извинение и кинулась к выходу.

Пронеслась сквозь коридор, выскочила на прокуренную лестницу, взбежала на два пролета вверх и, с трудом преодолевая дрожь в пальцах, нажала кнопку с зеленым значком.

С трудом переводя дух, прижала трубку к уху и выпалила:

– Не верю своим ушам! Появился, не прошло и месяца!

– Да ладно, не придумывай, какой еще месяц! А что это у тебя голос такой?

– Какой «такой»?

– Такой, будто тебя кто-то собрался... э-э... придушить, а я взял и позвонил в самый неподходящий момент.

– Ну, в общем, похоже на то, но это не важно.

– Тогда я рад, что помешал. Было бы очень обидно остаться без тебя как раз в тот момент, когда все в жизни, наконец, наладилось.

От волнения я чуть не выронила из рук мобильник. «Наладилась»! Неужели он, наконец... Господи, как же долго я этого ждала!

С того самого дня, когда столкнулась с ним на пороге Лилькиной квартиры. До наступления Старого Нового Года оставалось полтора часа, и галдеж в большой комнате говорил о том, что последние минуты Старого Старого Года здесь не теряют даром.

В каждой руке он держал по бутылке шампанского, но выражение его лица с этими праздничными бутылками совершенно не гармонировало. Выражение было печальное, если не сказать – унылое.

«Ты, наверное, Маруся, Лилина подруга», – сказал он, поставил бутылки на пол, и быстро сняв с моих плеч заснеженную шубу, пристроил ее на вешалку и без того ломившуюся под

тяжестью дубленок и курток. Шуба стала соломинкой,ломавшей спину верблюда – вешалка беззвучно обрушилась на нас вместе со всем своим содержимым.

«А ты, наверное, Дима, Ромин друг», – сказала я, когда он поднял меня с пола, и мы вместе принялись собирать разлетевшуюся по прихожей одежду.

«Послушай, мне-то было просто – все ждали только тебя. Но ты-то как догадалась, кто я?»

«А мне Лиля рассказала, что ты носишь перстень с черепом вместо обручального кольца, после того, как развелся».

Он помрачнел, а потом рассмеялся:

«Ну, раз ты все знаешь, будешь моей любимой жилеткой!»

Была и еще одна причина, по которой я его сразу узнала, но которую я, конечно, не стала ему называть. Лилька сказала, что у него самые красивые в мире глаза – ярко-голубые, с длинными черными ресницами – «ни дать, ни взять, Ален Делон!» – и это оказалось чистой правдой.

Стоило мне один раз посмотреть в эти глаза – и я без колебаний была согласна стать ему жилеткой, шарфом и даже, если нужно, придверным ковриком.

Вообще-то, откровенно говоря, больше всего на свете я хотела бы быть ему подушкой и одеялом. Но прошли один за другим все праздники – и двадцать третье февраля, на которые я подарила ему туалетную воду, и восьмое марта, на которое он подарил мне коробку «Раффаэлы», и его день рождения в апреле, который он не отмечал, потому что его мучили воспоминания о погибшем семейном счастье (но я все-таки подарила ему зажигалку, которая стоила мне половины зарплаты), прошли и майские праздники – напрасно я возлагала на них такие надежды! – а наши встречи были хоть и частыми, но совершенно дружескими, не считая того единственного раза, когда он, отметив на работе чье-то прибавление семейства, позвал меня в кафе и, рассказывая, как болит у него душа – «а я ведь хотел от нее ребенка... думал... если будет девочка... вот здорово, честное слово!» – и держал меня за руку, а на прощанье мокро поцеловал в край рта...

И вот, кажется, до него, наконец, дошло!

– Ужасно рада за тебя! – сказала я, чувствуя, как ликующее сердце подпрыгивает у меня в груди чуть не до самого горла.

– А уж как я сам-то рад, ты просто не представляешь! И ведь все благодаря тебе. Ты меня буквально вернула к жизни!

Внезапно у меня защипало в носу. Господи, неужели это правда? Неужели я дождалась?

– Поэтому я звоню тебе первой. Ведь никто, даже Ромка, не порадует за меня так, как ты!

Последняя фраза отчего-то заставила меня насторожиться.

– Всегда готова порадоваться. А... чему?

– Я в субботу женюсь.

Сердце вдруг оборвалось и повисло на тоненькой-тоненькой ниточке, слегка подрагивая...

– Как... В субботу? А...

– Да, я, конечно, свинья, что не предупредил тебя раньше, но свадьба, знаешь, это такие хлопоты, и не только свадьба... Я последние две недели ношусь, как угорелый, столько всего нужно – мебель купи, костюм купи, лимузин закажи, с рестораном договорись... Кольца еще искал, с этими кольцами беда, то размер не тот, то фасон не такой, то цена от самолета...

«Милый, мне очень грустно было, и я тебе звонила, и целый вечер дома я была...» – вдруг настойчиво заиграло у меня в голове.

– Я... что-то... не понимаю... – помертвевшими губами произнесла я. – Ты же ведь только что развелся...

– Ну, это ведь не я развелся, это со мной развелись, а раз так – я должен жить дальше и радоваться каждой минуте, вспомни, ты сама мне это говорила.

Я готова была закричать: «Но я-то хотела, чтобы ты перестал вспоминать бывшую жену и начал думать обо мне!». Я даже набрала в грудь воздуха и открыла для этого рот. Но не смогла. Выдохнула воздух и тихо, почти беззвучно спросила:

– А... на ком... ты женишься?

– Да я тебе рассказывал – Оля, моя сотрудница. Которая мне еще, помнишь, вино на рубашку пролила, когда мы отмечали рождение Лехино второго парня.

– А... ну да... конечно.

Внезапно слова у меня кончились. И силы тоже.

Я опустилась на ступеньки и прижалась головой к решетке перил – чтобы совсем не упасть.

– В общем, слушай, ты обязательно приходи, будешь подружкой жениха!

Радостно смеясь, он говорил мне, куда приезжать, и во сколько начало, и переспрашивал: «Ты записываешь?», а я отвечала: «да, да, да». Я на все отвечала «да».

В моем внутричерепном радио песня про милого сменилась песней про портрет работы Пабло Пикассо...

Потом разговор кончился, но я плохо помню – когда и чем. То есть, ничем таким особенным он не кончился. Просто мы попрощались, и он побежал по каким-то своим предсвадебным делам – кажется, получить кольца из гравировальной мастерской. А я...

Жизнь не то, чтобы оборвалась, но как-то прекратилась. Я сидела на шербатых ступеньках, уткнувшись краем лба в металлические прутья, потерявшие форму из-за многочисленных слоев масляной краски – ни о чем не думая, ни на что не надеясь, ничего не ожидая. Только губы шевелились, вполголоса напевая: «Как же прекрасны были свадебные цветы...»

Сколько я так просидела – не могу сказать. Внезапно, мобильник у меня в руке затрясся мелкой дрожью и запел пионерским голосом «Если с другом вышел в путь, если с другом вышел в путь – веселей дорога!».

– Привет, – сказала Лилька каким-то очень уж вкрадчивым голосом. – Что делаешь?

– Ничего особенного, – ответила я мрачно. – Сажу на лестнице, размышляю о жизни. Песенку пою.

– Хорошо же ты проводишь свое рабочее время!

– Да уж, лучше некуда... Меня Димка своим звонком выдернул с организационного собрания, так что, вполне вероятно, меня уже уволили. А если ты мне хочешь сообщить, что он женится, то я уже знаю, он мне сообщил первой.

– Ну вот же придурок! – прорычала Лилька, отбросив церемонии. – Я чувствую себя виноватой! Ведь это я тебя с этой дубиной познакомила, да еще напела, какой он замечательный, тонкий, ранимый и одинокий!

– Да брось ты, ради бога... – вяло промямлила я.

– Нет, я этого так не оставляю! Обещаю, найду тебе другого, в сто раз лучше!

– Нет! – я даже вскочила со ступенек. – Только не это! Не надо мне никого!

– Ну, хорошо, тогда я сегодня к тебе приеду с ночевкой, чтобы ты не торчала дома одна, в слезах. Ты во сколько заканчиваешь?

– Во-первых, я не знаю. А во-вторых, не надо ко мне приезжать. Боюсь, я буду не самым приятным собеседником... И не самой радушной хозяйкой.

– Ой, Зимина, ну ты, как всегда, в своем репертуаре! Еще сказала бы, что у тебя столовое серебро не начищено, ей-богу! Короче, когда будешь уходить с работы, позвони мне, договоримся, ладно?

Мне ничего не оставалось, кроме как утвердительно промычать в ответ. Не могла же я сообщить ей свою программу-минимум на грядущий вечер (напиться), не говоря уж о программе-максимум (удавиться).

Зажав мобильник в кулаке, я спустилась на несколько ступенек вниз и выглянула с лестничной клетки в коридор.

Тих и безлюден был коридор. Не скрипели двери, не раздавались голоса, никто не мчался с носорожьим топотом из одной комнаты в другую. Виной тому было не только собрание, но и резкое сокращение штата. Канал обезлюдел. Оставшиеся же в живых... то есть на службе, в настоящий момент смиренно принимали условия капитуляции. Может, и хорошо, что я убежала.

В любом случае, возвращаться на собрание не имело ни малейшего смысла. Судьба канала, кажется, уже решена, и, похоже, она весьма плачевна. Впрочем, как и моя собственная.

Лет пять назад малоизвестной актрисе Аланской, дочери художника Бородина, знаменитого своими парадными портретами президентов, министров и королей, было явлено знамение. Возвращаясь в жаркий день из церкви, актриса свернула к роднику. Там ей встретила старушка – незнакомая, видно, не местная, в запыленной одежде. Старушка посмотрела на актрису строго и произнесла: «Кто к чистому источнику припал – тот уж из другого пить не захочет». Сказала – и растаяла в воздухе. Актриса напилась воды, пришла домой – и упала без сознания. А когда пришла в себя, решила, что ей нужно делать собственный канал – чистый источник посреди мутного зловонного потока российской телевизионной грязи.

Злые языки твердили, что у Аланской просто случился солнечный удар и помрачение рассудка. Однако для человека, слабого на голову, актрисе как-то слишком быстро удалось собрать деньги, арендовать полуразрушенный особнячок в центре Москвы, закупить по бросовой цене списанное телевизионное оборудование и набрать сотрудников. В числе которых вскоре оказалась и я: моя бывшая химичка (которая, очевидно за мою исключительную неодаренность в ее области, ставила мне четверки, да и вообще опекала как могла) устроила меня туда через жену двоюродного племянника своего мужа... впрочем, за точность схемы родственных связей я не ручаюсь. Главное, что эта сложносочиненная, но хорошая родственница возглавляла отдел кадров на «Китеж-ТВ» – и взяла меня редактором анонсов.

Канал «Китеж-ТВ» показывал старые советские фильмы, образовательные передачи, филармонические концерты и длинные передачи-портреты о выдающихся деятелях искусства и науки. Я сочиняла сценарии для коротеньких видеороликов, каждый из которых должен был вызвать у зрителей канала непреодолимое желание пересмотреть по сотому разу сериал про лучшего советского разведчика, фильм про мерзную от нехватки женского счастья петербургскую красавицу или передачу про какого-нибудь заслуженного старичка, который блистал на подмостках, вернисажах или международных научных конгрессах лет двадцать с лишком назад.

Работа была однообразная, но не без приятности, с частыми чаепитиями и перекурами, с долгими разговорами об искусстве и короткими рабочими днями.

Но всему хорошему приходит конец, причем всегда неожиданно и не вовремя. Аланская позвала на канал новых инвесторов, не посоветовавшись с отцом, который, как нарочно, отбыл в Латинскую Америку, портретировать одного из тамошних высокопоставленных генералов. К сожалению, по дороге Бородина похитили повстанцы-троцкисты, лидер которых, известный мировой общественности под благозвучным именем Жоан-Педроу, возжелал быть увековеченным кистью лучшего портретиста современности. Тщеславный главарь бандитов не знал, что Бородин – личный друг президента США, и что на выручку художнику немедленно были откомандированы элитные части американского спецназа. Но пока «морские котики» в полной боевой выкладке крались по амазонской сельве, чтобы выволить из лап головорезов одну из виднейших фигур современного российского искусства, инвесторы сделали несколько нехит-

рых манипуляций, благодаря которым Аланская безвозвратно потеряла право собственности на канал «Китеж-ТВ». Выступления актрисы и поддержавшей ее общественности в прессе с призывами к властям о помощи не принесли никаких плодов.

В коридорах полуразрушенного особняка появились высокомерного вида юноши в дизайнерских джинсах. Вслед за юношами по коридорам стали распространяться слухи о грядущих переменах. Зазвучало зловещее слово «ребрендинг» и не менее зловещее слово «реструктуризация». Говорили, что «Китеж-ТВ» собираются переименовать в «КТВ» и расшифровываться это будет как «Крутое Телевидение». Юноши доброжелательным тоном надсмотрщиков концлагеря доводили до сведения всех желающих, и не очень желающих, что их цель – сделать канал процветающим, притягательным для молодых, активных и энергичных, а не для каких-то ветхих пенсионерок, прошедших Гражданскую вместе с Буденным. Новая команда смотрела на нас, как на крыс, пригодных только для полного истребления, и уж конечно, рассчитывать на то, что крыс возьмут на службу в качестве матросов было очевидной глупостью, так что самые трезвомыслящие из старых сотрудников стали тихонько покидать корабль.

Отдел кадров пострадал одним из первых. Для начала его обозвали «Отделом рекрутинга», отчего родственница химички выпала в желтый творожистый осадок, выделив газ с неприятным запахом, и в ответ была немедленно выплеснута за дверь вместе с подчиненными в количестве двух с половиной человек.

Словом, за последние две недели канал спешно покинули те, на кого изысканные манеры нового руководства произвели наиболее сильное впечатление. Менее впечатлительные, а также все, кто не имел еще возможности ближе пообщаться с начальством – и в их числе я – предпочли переждать антракт и досидеть до финального занавеса.

Скрипнула дверь, в коридоре раздались голоса и шаги. Собрание кончилось. Меня охватила тихая паника. А если начальство сейчас появится здесь, решив покурить вместе со всеми? К счастью, мой мозг работал хоть и с перебоями, но все-таки куда быстрее прочих частей тела – прежде чем побежать вниз и поскорее спрятаться в женском туалете на первом этаже, где начальство, в силу своей гендерной принадлежности, никак не могло меня настигнуть, я внезапно сообразила, что новое начальство никогда не курит вместе с коллективом, а наслаждается вредной привычкой в собственном кабинете. Строжайшие правила пожарной безопасности на начальство не распространяются, очевидно, верховная власть на канале обладает мистической огнеупорностью.

Шаги приближались. Я лихорадочно растерла ладонями по щекам невысохшие остатки слез.

– О, Маруся! Так ты здесь! – Нюта лихорадочно защелкала зажигалкой и, жадно затянувшись, с наслаждением выдохнула дым. – Уф! Думала, уже не дождусь этого счастливого момента!

Она сделала еще одну затяжку и, пристально посмотрев на меня, сказала:

– Хорошее выражение лица. Но я бы на твоём месте носила такое только на похоронах. Для работы оно выглядит слишком трагически. Что случилось? Любовь твоей жизни женится на другой?

– Как ты догадалась?! – изумилась я.

– Элементарно, Ватсон! Я тебе открою одну страшную тайну – весь отдел знает о твоей любви. Каждый раз когда твой телефон начинает петь «Last Christmas I gave you my heart», ты, изменившись в лице, стремительно выбегаешь из комнаты. Нужно быть слепыми и глухими, чтобы ничего не заметить. Вот сейчас мы шли по коридору с Илюшей, и он сказал: «Ну, наконец-то Марусин парень позвонил, а то она последние дни ходит прямо сама не своя!» Ну, а раз у тебя такое лицо... Значит, он либо погиб страшной смертью, либо собирается жениться, причем не на тебе. Поскольку, погибнув, позвонить тебе сам он никак не мог, следовательно...

– Здрóрово, – мрачно сказала я. – Оказывается, весь отдел в курсе моей личной жизни!

– Ага. И весь отдел узнает о ее крушении, если ты будешь и дальше ходить с таким выражением лица.

Я изо всех сил растянула углы рта.

Нюта, склонив голову набок, оценивающе посмотрела на меня:

– Нет, пожалуй, так тоже не стоит. На веселье это очень мало похоже, а народ и так в стрессе после собрания, не надо его дополнительно пугать.

– А, кстати, что там было на собрании? – без особого интереса поинтересовалась я.

– Сказали, что работать придется гораздо больше, но зарплату, может быть, не понизят. Познакомили с новыми нахлебниками, то есть сотрудниками. Пообещали, что наша жизнь изменится, хотим мы этого или нет. Добавили, весьма неохотно, что перемены будут к лучшему. По-моему, из наших в это мало кто поверил, особенно те, кто знает Дракулу по работе на РТС.

– Дракулу?! – я захихикала, не обращая внимания на боль от осколков разбитого сердца, разлетевшихся по всему организму.

– Ты что, в первый раз слышишь это прозвище?!

– Ну, я же, в отличие от тебя, не работаю на телевидении с пеленок!

– Только не надо преувеличивать! А Синезубова так еще чуть ли не Лапин окрестил, когда тот еще был какой-то совсем мелкой сошкой.

– Да уж... Интересно, у него и тогда уже были такие гнусные повадки, или он потом их приобрел, чтобы соответствовать полученному прозвищу?

– Вот этого я тебе сказать не могу... Кстати, – Нюта погасила окурок о край урны, – конечно, плохо, что ты убежала с собрания, но еще хуже то, что ты не вернулась обратно. Потому что Дракула о тебе спрашивал.

– Что спрашивал?

– Ну, имя, кем работаешь.

– Тьфу ты, черт! Теперь меня еще и уволят!

Причем уволят из-за человека, который меня не любит и никогда не любил! Конечно, ради взаимной любви и жизнью пожертвовать не жалко, но расстаться с хорошей работой из-за любви, которая с самого начала была самообманом?! Довольно уже и потерянного времени, не говоря уж о самоуважении... А сколько слез было пролито!.. И сколько их будет пролито – уже сегодня ночью...

Мне стало так жалко себя, что захотелось зареветь уже прямо сейчас, не дожидаясь ночи. Но вместо этого я только тихонько пропела: «Без тебя, без твоей любви, я, конечно, прожить сумею...»

Нюта потушила сигарету и сказала:

– Может, пойдем попьем кофе в озвучке? Новый голос канала притаранил бутылку превосходного коньяка. Если мы поторопимся, у нас есть шанс добавить в кофе несколько ложечек.

– А тебе не кажется, что это... ну, как-то неправильно – пить с этим... новым голосом?

– Можно подумать, пить с новым голосом – это сотрудничать с Гитлером, а наш народный артист не уволился из-за собственного гонора, а запытан в подвалах гестапо! Марусь, твое чистоплюйство иногда меня просто изумляет! Хватит придуряться, пошли.

Тут для непосвященных надо сообщить, что голосом канала телевизионщики называют голос диктора, озвучивающего анонсы программ и фильмов, – а заодно и его обладателя.

Предыдущий голос, который читал два раза в неделю в тесной комнатке с плохой звукоизоляцией сочиненные мной тексты, был потомственный народный артист. То есть, конечно, голос был густой бархатный баритон, а народным артистом был его хозяин – сухонький маленький старичок. Вся страна знала его в лицо, потому что он был признанным гением эпизодиче-

ских ролей и снялся почти во всех лучших советских фильмах, – но никто не знал по фамилии, потому что найти ее в титрах – набранную мелким шрифтом в числе многих других – простому зрителю было просто не по силам. Народный артист с юности дружил с художником Бородиным, а актрису Аланскую качал на руках, из-за чего костюмерный цех его театра как-то раз лишился уникального сиреневого фрака.

Редакторы боялись народного артиста как огня, потому что, если текст казался ему не соответствующим нормам и правилам грамотной русской речи, артист громовым голосом произносил «Ужасный век! Ужасные сердца!» – и читать злополучный текст категорически отказывался.

Новому начальству и его команде было глубоко начхать на заслуги артиста перед народом, кино и театром, а заодно и на безвозвратно погибший сиреневый фрак. Они по-русски плохо знали, романов наших не читали и изъяснялись с трудом на языке своем родном. Поэтому вряд ли стоило удивляться тому, что в конце концов неизбежно произошло. Обнаружив в одном из текстов слова «секретаршой», «безбелетный» и «товарищ» народный артист сперва на несколько минут потерял дар речи, кормивший его долгие годы, а когда дар вернулся, в крошечной аппаратной озвучания поднялась буря праведного гнева – и, вырвавшись за пределы комнатки, помчалась на третий этаж, в кабинет начальства. Что дальше? Начальство осталось неподвижно, словно каменный идол с острова Пасхи, народного артиста порывом ветра навсегда вынесло за дверь – прямо на улицу, а вместо него на канале появился какой-то молодой человек, которого я видела один-единственный раз – издалека, со спины – и про которого могла сказать только то, что он высокого роста, и что голос, конечно, красивый, но это не повод считать его за своего.

Вздохнув, я тихо, но твердо сказала:

– Нет, извини, мне что-то не хочется. Я сейчас не в настроении ни с кем общаться...

– Учти, если ты не сумеешь сделать физиономию менее мрачной, то безвременная кончина твоих отношений все равно скоро станет достоянием общественности, – предупредила Нюта. – Ну, если только ты не собираешься все рабочее время проводить, запершись в женском туалете.

Она ушла, а я села на подоконник в позе роденовского Мыслителя. Если, конечно, можно представить себе Мыслителя, мычащего себе под нос: «А любовь как сон, а любовь как сон, а любовь как сон – стороной прошла...»

2

Надо сказать, я не имею ни малейшего понятия, о чем мог бы думать Мыслитель – о чем вообще думают мужчины? Впрочем, не хочу знать. Раньше меня волновало, что думает обо мне один вполне конкретный мужчина – а теперь, когда выяснилось, что он обо мне вообще не думал ни одной минуты, мужчины вообще и их мысли в частности перестали быть объектом моего любопытства.

С моими собственными мыслями все было куда проще – я думала, как мне дальше жить. Интересовала меня не вся оставшаяся в моем распоряжении жизнь – не важно, длинная или не очень – а один относительно короткий ее отрезок: с настоящего момента и до завтрашнего утра. Мне предстояло не свихнуться и не наложить на себя руки, и я не знала, как справиться с этой не самой простой задачей.

Ужас моего положения усугубляло одно печальное обстоятельство – вчера я в припадке отчаянья встала на путь самосовершенствования. То есть – села на диету. Почему-то мне показалось, что принесенные в жертву калории обеспечат мне столько желанную победу над Диминной рукой и сердцем. И теперь мне предстояло сделать нелегкий выбор – то ли биться с бедой в одиночку, не имея возможности прибегнуть к спасительной помощи плитки шоколада, жареной картошки с луком или свежих булок, то ли бросить диету – и окончательно поставить крест на собственном самоуважении. В конце концов, я рассудила, что диета придаст моему страданию оттенок благородной стойкости, если не сказать мученичества, и решила продолжить борьбу с лишними килограммами. Ободренная собственным мужеством, я даже посвятила несколько минут размышлениям о том, не стоит ли мне, вдобавок ко всему, еще и начать бегать по утрам, но в конце концов рассудила, что это ни к чему – не стоит взваливать на себя совсем непосильную ношу.

Ах, и все-таки – как бы мне сейчас помогла плитка шоколада! Ну, не плитка, так хоть маленький кусочек!

Вообще-то, куда разумней было бы подумать о чем-нибудь другом, например, о том, что работа не делается сама, и о том, что после нынешней моей выходки едва ли Дракула захочет держать меня в штате телеканала за красивые глаза – хотя бы из-за того, что не успел их как следует рассмотреть (а ведь был, был у меня шанс продемонстрировать ему красивые, очень преданные глаза, а я этот шанс бездарно упустила, и все ради кого?!).

Не сумевшим очаровать начальство глазам оставалось только без всякой пользы для владелицы и без особого смысла смотреть то в одну, то в другую сторону, пока их печальный взгляд не упал на подоконник и не зацепился за лежащую там пачку сигарет, забытых Ньютой.

Я перестала мурлыкать про облетевший клен и ликующе захихикала. Вот курица!

– Нет, эта потеря тебе не зачтется! – торжествующе воскликнула я.

Дело в том, что лучше всего на свете я умею терять вещи – лучше даже, чем сочинять истории. Ньюта, в свою очередь, имела дерзость заявить, что моя забывчивость по сравнению с ее собственной – младенческий лепет. С этой дерзости и началось между нами состязание на звание Самой Большой Раззявы в Море. В качестве призовых баллов засчитывались только невосполнимые утраты. Вещи, силами сердобольных граждан или волею судьбы вернувшиеся к безутешной законной хозяйке, в расчет не принимались...

Совсем недавно Ньюта чуть было не вырвалась далеко вперед, посеяв кошелек с тысячью рублей, но торжество ее длилось недолго – кошелек, вместе с расческой и солнцезащитными очками (пропажа последних даже не была замечена, видимо из-за дождливой погоды) обнаружился в овощном ящике – Ньюта вытряхнула его туда из пакета вместе с пятью килограммами картофеля. Когда картофель стал подходить к концу, на дне показались провороненные пожитки.

Схватив сигаретную пачку, я прыгнула с подоконника, собираясь мчаться в монтажную, чтобы в торжественной обстановке вернуть сигареты Нюте, и сделала даже шаг в сторону двери, ведущей с лестницы в коридор. Но тут дверь открылась – и я сделала шаг назад.

Он был весь словно отлит из золота – волосы, брови, ресницы вспыхнули в полосе солнечного света – порыв ветра отогнул ветку дерева за окном. Золото просвечивало сквозь тронутую загаром кожу – и она сияла так, что от его лица и шеи нельзя было оторвать глаз. Он словно сбежал откуда-то из запасников Эрмитажа – божество с древнего языческого алтаря, дух реки или роши – закругленные плечи и бицепсы, тонкие запястья, изящный рисунок вен. А форма рук... ладони и пальцы... Я уставилась на его них, как завороченная, не отдавая себе отчета в том, что делаю.

Чего я никак не могла ожидать, так это того, что божество разомкнет прекрасно очерченные губы и хорошо поставленным голосом – новым голосом нашего канала! – произнесет:

– Простите, у вас, случайно, лишней сигаретки не найдется?

Наваждение рассеялось – хотя в голове у меня продолжало шуметь. Я почувствовала под ногами твердую землю (вернее, шербающую от времени плитку лестничной площадки) – и растерянность в душе. Во-первых, сигареты не мои, во-вторых, откуда мне знать, может, у Нюты это последняя пачка, а до зарплаты, между прочим, еще два дня. Не говоря уж о том, что чувство солидарности с народным артистом не позволяла мне делиться сигаретами, пусть и чужими, с новичком, узурпировавшим его место!

Но ни одну из причин для отказа произнести вслух я не могла – увы, непоправимо испорчена хорошим воспитанием – поэтому только молча протянула божеству Нютину пачку. А поскольку молчать все-таки было выше моих сил, дала волю ехидству:

– Не боитесь испортить голос?

– Нет, не боюсь. А вы не боитесь рака легких? – парировало божество, вынимая изо рта незажженную сигарету.

– Нет, не боюсь.

– Почему же?

– Потому что я не курю.

– Ага, а сигареты с собой носите, чтобы угощать всех желающих! Да вы страшный человек!

– Это вообще не мои сигареты!

– Так я вам и поверил!

– Ой, я не прогноз погоды, чтобы мне все верили!

– Вы даже не червонец, чтобы всем нравиться!

– А вам, очевидно, нравятся только денежные знаки!

– Нет, почему же, вы мне тоже понравились, но не становиться же мне из-за этого бессеребренником!

Я набрала в рот воздуха... И вдруг расхохоталась:

– Хорош бессеребренник! Стреляет сигареты, а у самого целая пачка! Вы бы хоть в нагрудный карман ее не клали!

Божество схватилось за грудь с такой поспешностью, словно в нее попала пуля.

– Вот, черт! Оплошал! Но у меня есть оправдание. Я вообще-то шел сюда, чтобы позвать вас на кофе с коньяком, но у вас был такой строгий вид, что я испугался, и решил начать разговор с сигарет. Я не знал, что вы не курите.

Он достал из кармана свою пачку и сокрушенно сказал:

– Не уследил за реквизитом! А из вас бы вышел прекрасный ассистент режиссера. Если бы вы знали, сколько дряни из-за этих раздолбаев попадает в кадр!

– Уверяю вас, если бы я была ассистентом режиссера, в кадр бы попадали одни только актеры. Все остальное исчезло бы в неизвестном направлении, – сказала я, а про себя добавила, что Нюту бы я в этом случае победила бы с огромным преимуществом в счете.

– Ну-ка, ну-ка! То есть вы тащите все, что плохо лежит? Послушайте, да вы просто незаменимы в хозяйстве!

– Да, а если мне кто-то хамит, тому я немедленно трескаю по голове чем-нибудь тяжелым... – я демонстративно посмотрела по сторонам, изображая поиски этого самого тяжелого.

– Кажется, тут нет ничего подходящего, но если вы пойдете со мной в озвучку, мы с вами поищем что-нибудь подходящее. В крайнем случае, вы можете залить меня кофе – он как раз уже остыл, а пятна вы ведь отстираете? Я знаю, девушки могут отстирывать даже самые стойкие пятна.

– Вы, очевидно, слишком много снимаетесь в рекламе. И пятна отстирывают не девушки, а пятновыводители.

– Должен ли я понимать эту фразу как согласие?

– Можете понимать ее, как хотите, – чтобы посмотреть ему в глаза, мне пришлось высоко задраать подбородок.

Лучше бы мне было не смотреть ему в глаза. Они были не голубые и не серые – каким следовало бы быть глазам у красивого блондина. Они были светло-зеленые, почти желтые, с золотыми крапинками-искорками в глубине. И смотрели так, что я... что у меня... О чем я, собственно, говорила?

Лучше бы мне было с ним вообще не разговаривать. Конечно, он может понимать мою фразу как согласие. Он может... Все что угодно он может... Господи, как сделать так, чтобы он хотя бы не сразу об этом догадался?!

– Кстати, позвольте представиться, – он протянул мне руку: – Константин Станиславский. Словно пригоршня холодной воды в лицо! Вот спасибо! Очень кстати.

– А я – Фрося Бурлакова! – я с вызовом сложила руки на груди.

Он захохотал:

– Слушайте, я ваш текст на фильм «Приходите завтра» начитывал на прошлой неделе, смеялся как сумасшедший, но никак не ожидал, что в скором времени буду его разыгрывать с вами! Пойдемте в озвучку, я покажу вам паспорт!

Для божества у него слишком плоские шутки и слишком топорные уловки.

– Не верю! – рявкнула я.

– Погодите-погодите! Это моя фраза!

– Могу вам только посочувствовать!

– Потрясающая упрямица! Но вы знаете, на каждый узел находится свой меч.

И я вскрикнула, стремительно взмывая в воздух – мой собеседник, исчерпав словесные доводы, просто подхватил меня на руки – с такой, черт побери, легкостью, что меня невольно охватила детская радость полета.

– Почему вы не вырываетесь?

Желтые глаза оказались так близко, что у меня перехватило дыхание. Уж не знаю, как мне удалось набрать в легкие воздуха, чтобы ответить:

– Жду, что вам надоест, и вы меня отпустите.

– Мне не надоест. Я уже почти привык. Хотите, я вас буду носить на руках постоянно?

– А если я соглашусь?

– Буду носить!

– Боюсь вас скомпрометировать. Что подает о вас желтая пресса? Кстати, о вас пишет желтая пресса?

– Пока нет, но я собираюсь дать ей массу поводов. Например, всюду ходить с вами на руках...

– Какой ужас! Боюсь, я не могу допустить появления моего светлого имени на страницах желтой прессы.

– Светлое будет незаметно на желтом.

– Нет-нет! Желтая пресса – ладно, но что подумают обо мне сотрудники! Я – на руках у постороннего мужчины!

– Должен ли я воспринимать ваши намеки, как косвенное предложение руки и сердца? Если да, то я согласен, – с этими словами он пнул ногой дверь озвучки и вошел внутрь.

Илюшин рот открылся так широко, что туда мог без труда влететь порядочный пчелиный рой или некрупная летучая мышь. Глаза звукооператора Борисыча увеличились до размеров навигационного джойстика. Нюта поперхнулась кофе с коньяком и громко закашлялась.

Божество поставило меня на пол – мне пришлось опереться о стену из-за невыносимого головокружения – и сказала:

– Знаете, у нас в Театре поставили «Ревизора», играют все ведущие артисты. Так вот, немая сцена в их исполнении – школьная самодеятельность по сравнению с тем, что вы сейчас продемонстрировали.

Он протянул руку к карману висящего на стуле джинсового пиджака, достал оттуда паспорт, открыл его на нужной странице и хорошо отрепетированным движением протянул мне.

«Константин Сергеевич Станиславский» – прочитала я в легком оторопении.

– Как видите, Фрося, я вас не обманул.

– Почему Фрося? – подала голос прокашлявшаяся Нюта. – Ее же Маша зовут.

– А я теперь буду называть ее Фросей, – сказал Станиславский и нежно улыбнулся, глядя мне прямо в глаза. – А она будет на это имя откликаться. Правда, Фрося?

– П-правда, – ответила я.

– Ну, вот и чудесно. Надеюсь, пока я всеми доступными мне способами уговаривал Фросю отведать кофе с коньяком, кофе не остыл, а коньяк не выдохся?

– Обижаете, отец-благодетель, – Илюша вытащил из-за монитора круглобокую плоскую бутылку с фигурной стеклянной пробкой, а Нюта в ту же секунду придвинула ко мне чашку, щедро сыпанула туда кофе прямо из банки, плеснула воды из чайника и, положив передо мной несколько пакетиков сахара с логотипом кофейни, в которую мы, когда бывали при деньгах, ходили отдохнуть от трудов праведных и малооплачиваемых, сказала:

– Ложка одна на всех. Не облизывай.

Печально посмотрев на сахар, я твердой рукой отодвинула пакетики в сторону. Диету еще никто не отменял. Еще грустней мне стало при виде нескольких обломков шоколадки, лежавших на мятой фольге – словно только меня и ожидавших.

– Позвольте за вами поухаживать? – галантно осведомился Станиславский, картинным жестом выдергивая пробку и не забывая при этом смотреть мне прямо в глаза.

Но я поспешно отобрала у него бутылку:

– Не позволю.

– Чем я заслужил такое недоверие?! После всего, что нас связывает?

На этих словах все присутствующие, кроме нас со Станиславским, многозначительно переглянулись. Я почла за лучшее сделать вид, что не заметила этого.

– Вашими прекрасными личными качествами. На лице у вас написана доброта и щедрость. Вот я и боюсь, что вы мне набудете коньяка больше, чем кофе. А мне еще работать сегодня.

– Все мысли о работе! Вот они, плоды эмансипации! – хихикнул Борисыч.

– Какая уж тут эмансипация! – фыркнула я. – Это все социальное положение подкачало. Была бы я родственницей небогатого нефтепромышленника, пила бы себе не армянский коньяк в озвучке, а французский – в Ницце.

– Ну, тебе-то грех жаловаться! – сказал Илюша поднося к губам чашку, из которой отчего-то почти не пахло кофе. – Сдала бы свою шикарную квартирку, сама бы сняла хижинку где-нибудь на Гоа, и на остаток средств жила бы себе как королева!

– Нет уж, спасибо! Эти комбинации – не про меня! Вокруг столько квартирных мошенников. Не успею я и глазом моргнуть, как вместо хижинки на Гоа окажусь в картонной коробке на Площади Трех Вокзалов.

– С чего такие мрачные предчувствия? – Станиславский позвенел ложечкой, отпил немного кофе и сощурил от удовольствия глаза. – Мы возьмем вас под свое покровительство. Я готов лично защищать вас от мошенников и даже, в случае необходимости, предложить вам продавленный диван в своей холостяцкой квартиры – в любом случае это лучше, чем Площадь Трех Вокзалов. И, кстати, мне, конечно, не жалко, и я рад, что вы так долго на меня смотрите, но, может, вы все-таки нальете себе коньяка и передадите уже бутылку своим товарищам? Кофе стынет!

Мне хотелось бы немного остудить его самого, но ничего сколько-нибудь остроумного не приходило на ум, так что я только дернула бровью и, отвернувшись, осторожно наклонила бутылку над своей чашкой.

Внезапно сквозь открытую дверь до нас донеслись звуки приближающихся шагов и чьи-то неприятные голоса.

– Черт! – прошептал Илюша. – Мы же хотели запереться!

– Да, Людвиг Всеволодович, оборудование, конечно, очень устарело! – прозвучало совсем близко.

Мы помертвели.

Имя и отчество звучали ужасно – но не из-за своего экзотического неблагозвучия, а оттого, что принадлежали они нашему новому начальнику.

Я торопливо оглянулась по сторонам. Прятать бутылку было некуда. Ни ящичка, ни шкафчика, ни закутка. Стеллажи с кассетами были слишком далеко. Илюшин рюкзак валялся у самой двери. Лежащая поблизости борсетка *Борисыча* ни на что не годилась.

– Плохим танцорам сами знаете что мешает! – ответил глухой невыразительный голос Синезубова.

В отчаянии я сделала глубокий вдох, словно перед погружением в воду, быстрым движением подняла край своего свитера и сунула бутылку за пояс джинсов.

Только успела я опустить свитер обратно, как в дверях озвучки появился Синезубов.

Не переступая порога, он обвел нас колючим взглядом. Цвет его глаз приятно напоминал лезвие кухонного ножа, а цвет лица – болотную трясину. Роста наш новый начальник был весьма незавидного, и, очевидно, чтобы скрыть этот промах природы, он попеременно вставал то на носки, то на пятки. Если прибавить к этому заметную сутулость, то сходство с коброй, готовящейся к броску, становилось просто пугающим.

Из-за плеча Синезубова появилось нечто, напоминающее крупную свёклу – это была голова его заместителя. Заместитель, в отличие от своего шефа, глядел приветливо и нежно, и даже, пожалуй, сочувственно, как смотрит участковый врач на смертельно больного пациента.

– Почему вас тут так много? – прошипел Синезубов.

С трудом сглотнув образовавшийся в горле комок и справившись с параличом шейных мышц, я осторожно оглядела присутствующих. Все как один почти слились с сероватыми стенами озвучки – только редкие помаргивания выдавали присутствие жизни в этих телах. Один только Станиславский лучился безмятежным спокойствием, словно золотая статуя Будды.

– Дружно участвуем в творческом процессе, Людвиг Всеволодович, – с улыбкой ответил он.

– Если вам хочется творчества, то это, пожалуйста – но только на сцене или... – небольшая пауза, лезвия глаз уперлись в меня, – на дому. А у нас здесь телевидение. То есть – про-

изводство. Конвейер, если хотите. Поэтому каждый должен быть на своем месте и заниматься своим делом, вместо того, чтобы... участвовать в чем-то, что его не касается. Хотя, не сомневаюсь, Константин, – тут на губах у Дракулы появилось слабое подобие улыбки, от чего смотреть на него стало совсем невыносимо, – что каждый в этой комнате мог бы у вас чему-нибудь научиться.

Слюна во рту у меня давно уже закончилась, а теперь, кажется, к концу приходил и кислород в озвучке.

– Мне кажется, Людвиг Всеволодович, что начиночку в аппаратной озвучания надо бы обновить, – ласково сказал зам. – И микрофончик тут дерьмовенький, да и сама комнатка маловата.

– Боюсь, что тут, как говорится в старом анекдоте, не койки переставлять надо, а девок менять...

Ввалившиеся щеки Нюты и ее остекленевшие глаза дали мне полное представление о том, как выгляжу я сама.

– Вы ведь, как я понимаю, уже начитали все тексты? – обратился Синезубов к Станиславскому.

– Разумеется, Людвиг Всеволодович. Да и вообще...

– В таком случае, я не могу вас больше задерживать, у вас ведь очень напряженный график, мы не можем допустить, чтобы вы потеряли из-за нас хоть одну лишнюю минуту...

– Ну, что вы! Ни одна минута в стенах вашего прекрасного канала не может считаться потерянной зря. – Станиславский встал, непринужденным жестом забросив в рот кусок шоколада, сдернул со спинки стула пиджак, повернулся лицом ко мне и подмигнул, незаметно для Дракулы. – До свидания!

– Всего хорошего... – благосклонно прошипел Дракула и, не глядя на нас с Нютой, бросил: – А у вас, девушки, если я правильно понимаю, все еще продолжается рабочий день.

Девушки, с трудом перебирая ватными ногами, поспешно выползли в коридор.

Станиславский поджидал нас на безопасном расстоянии от озвучки. Мы отправились на лестницу и погрузились в целебные клубы сигаретного дыма.

– На самом деле он умеет быть очаровательным, – сообщил нам Станиславский, когда у Нюты перестали трястись руки, а мне надоело хлопать глазами и мотать головой.

– Верю, – простонала я. – Когда до отвала наестся свежей человечинки!

– Вы меня простите, но я вас покину, – прошелестела Нюта, промахиваясь окурком мимо урны. – Мне хочется побыть наедине с собой в уютном, тихом месте, куда никогда не ступала нога людоеда...

– Какие теплые, прочувствованные слова можно найти для дамского туалета! – восхитился Станиславский, провожая Нюту взглядом. – Кстати, это тебе.

И торжественно, словно медаль за боевые заслуги, вручил мне пробку от коньяка, которую, как оказалось, все это время сжимал в кулаке. Я кивнула и сунула пробку под свитер – туда, где до сих пор скрывалась бутылка.

– Припрятать коньяк подальше, – отчетливым театральным шепотом произнес Станиславский мне на ухо. – Наш Людвиг Всеволодович терпеть не может спиртное. Пьет только свежесжатые соки из какой-то дряни и всем настоятельно рекомендует. Я один раз попробовал...

– И как оно на вкус?

– Чистый яд!

– Чувствуется, скоро мы все тут начнем пить свежесжатый сок белены, – мрачно предсказала я.

– Кстати, о здоровом образе жизни. Не задерживайся сегодня на работе.

– А что такое? – испугалась я, не сразу заметив даже легкий и непринужденный переход на «ТЫ».

– Ну, во-первых, много работать вредно для здоровья. А во-вторых, я хотел пригласить тебя на свой концерт. В девять часов на «Овощебазе», знаешь, что это такое?

– Центр какого-то там искусства?

– Концептуального, балда! А еще интеллигентная, в телевизоре служит.

– И что же ты будешь делать? На голове стоять? – я решила тоже перейти на «ты», раз у нас пошел такой откровенный обмен мнениями друг о друге.

– Рад, что угадала мои скрытые таланты. Но на голове я при большом стечении народа не стою. Делаю это только для избранных. Так что если ты меня очень сильно и очень убедительно попросишь... – тут он заглянул мне в глаза, а дыхание мое в который раз сбилось с ритма. – Но сегодня я собираюсь петь под гитару. Контрамарок у меня нет, к сожалению, но билет почти бесплатный. Рублей двести. Цветы... – он дернул бровями, и по прекрасным губам быстро скользнула улыбка, – можешь не приносить. Но сама приходи – обязательно.

Он прощально помахал рукой и пошел прочь от меня по коридору – и вдруг в два прыжка вернулся:

– Да, телефончик-то продиктуй!

Я продиктовала, запинаясь на каждой цифре.

Совершенно дезориентированная и обескураженная – не каждый день знакомишься с античным божеством, а уж такого, чтобы произведение искусства звало тебя на свой концерт и спрашивало телефонный номер, со мной и подавно не бывало, – влетела я в комнату и, поспешно схоронившись среди нагромождения шкафов, засунула коньяк на свою полку, в самую глубину, за стопки книг – сборник статей Бердяева, воспоминания Софьи Андреевны Толстой в двух томах, Толковый Словарь названий женщин и три детективных романа Элизабет Джордж.

Засунула – и призадумалась, тихонько напевая себе под нос: «Чашку кофею я тебе бодрящего налью». Конечно, на Софью Андреевну и Бердяева со словарем никто из сотрудников не посягнет. А вот детективы... Вдруг кому-нибудь захочется скоротать вечерок за леденящим душу чтением, и наткнется на коньяк, к тому же в початой бутылке. Многие чистые, нежные души могут не устоять перед соблазном. Нет, мне не жалко коньяка, тем более купленного на чужие деньги, но ведь чистые души могут быть, как и мы сегодня, застигнуты врасплох злым Дракулой...

Осторожно выглянув из-за дверцы шкафа, я произвела рекогносцировку. Референт Федя, невидимый за огромным монитором, пощелкивал компьютерной мышью – то ли составлял учетный табель, то ли раскладывал пасьянс. Режиссер Жора, сидевший ко мне спиной, напряженно вчитывался в расписание матчей какого-то заморского футбольного клуба, уплетая неизвестно где добытую корзиночку с кремом. Проглотив слюну, я поспешно отвела от него взгляд. Больше в комнате никого не было. Все прочие коллеги, очевидно, либо приходили в себя после собрания, забившись в какие-то укромные уголки здания – либо с великим энтузиазмом трудились на благо любимого канала.

Мобильник, спрятанный в кармане джинсов, издал пронзительный писк.

«А здорово ты прятала бутылку под кофту. Я Жаль, что я не коньяк! КС»

Перечитав эсэмэску несколько раз, я достала бутылку из-за книжек и сделала из нее большой глоток.

3

После ударной дозы коньяка пол в комнате слегка накренился, и возвращаться в нормальное положение никак не желал. К тому же песня про чашку кофею, в особенности та ее часть, где сообщалось, что «ты ж еще молодой, ты еще страдаешь е-ерундой!», так и рвалась из моей груди. Работать в таких невыносимых условиях стало совершенно невозможно. Осторожно разведав обстановку и с удивительной для самой себя ловкостью вызвав, что начальство, насладившись сеансом высасывания крови из подчиненных, отбыло на какую-то торжественную презентацию и возвращаться в нашу убогую обитель не собирается, совершила дерзкий побег с работы.

Надо сказать, у побега была и уважительная причина – идти на концерт в джинсах и свитере после эсэмэски от Станиславского я никак не могла.

Сбросив обувь и сунув ноги в домашние тапочки, я прошла в гостиную и, как всегда, не смогла побороть искушения. Распахнула настежь балконную дверь и вышла.

Взялась обеими руками за перила балкона, глядя прямо перед собой. Набрала полную грудь воздуха. И, повернув голову вправо, выдохнула.

Там, за мостом, за изгибом реки, торжественно возвышалась громада из красного кирпича, словно гигантская корона – обруч-стена в зубцах и башни, а на башнях – флажки и красные звезды.

Я смотрела на Кремль, и сердце мое учащено билось.

Вернувшись обратно в гостиную, я села, чтобы унять головокружение, на диван и осмотрелась по сторонам.

Старинное фортепьяно с канделябрами, полными оплывшего воска. На нем – фарфоровая чернильница-пенек с двумя медведями, ссорящимися из-за ягод, оправленный в серебро бычий рог, две статуэтки Ломоносовского завода – выдра, зажавшая в зубах трепещущую рыбину, и белый барашек с золотыми закрученными рогами, вазочка с портретом Пушкина и вращающийся металлический календарь. Витрина с посудой. Двустворчатый книжный шкаф, за стеклами дворец – потрепанные собрания сочинений всевозможных классиков полувековой давности и черные переплеты первого издания Большой Советской Энциклопедии. На стене – безмолвные часы с неподвижным маятником и две фотографии: пухлощекий мальчуган в вязаном чепчике, прижимающий к себе картонный конус-кулек, полный конфет, и полная женщина в кружевном воротнике с брошкой-камеей под горлом. Моя прабабушка, которой я никогда не видела. И мой отец.

До сих пор не верилось, что всё вокруг – и эта комната, со всеми ее сокровищами, и две других, и даже вид из окна – прекрасный, чарующий, несбыточный, словно сон – все это теперь принадлежит мне одной.

Еще труднее было поверить в подлинность истории, эпилогом которой стало мое водворение в этом земном раю. История казалось выдумкой неумного, но бойкого романиста, точнее романистки, потому что история дорогой квартиры отдавала дешевой мелодрамой.

Отец в моей жизни отсутствовал начисто, тревожа только воспоминаниями – смутными, почти забытыми: сгущающиеся сумерки, нескончаемо долгое ожидание так и не состоявшейся встречи, растерянность, обида, отчаяние, разрывающее сердце, и горькие слезы в подушку. Все эти чувства давно существовали только в моей памяти, а отца не было и там – можно было открыть альбомы и старые папки, посмотреть на фотографии, но симпатичное лицо молодого человека в старомодной прическе – остромодной в тот момент, когда был сделан снимок – не вызывало в моей душе ни малейшего движения. Да, был такой человек, разошелся с моей мамой, когда мне было пять лет, приходил каждые выходные, потом раз в месяц, потом по

праздникам, потом раз в год, и, наконец, совсем исчез – ни звонка, ни открытки, словно и не было его никогда. История обычная, даже скучная.

Жизнь шла своим порядком, но однажды порядок нарушился – в нашу дверь позвонил какой-то старик. Мама разговаривала с ним на лестнице, в квартиру не пустила, вернулась в дом с покрасневшим сердитым лицом и бросила на стол толстую пачку розовато-красных банкнот – большие деньги, целое сокровище! О чем был разговор, она мне так и не сказала.

Банкноты отнесли в сберкасса, чтобы они приросли процентами к моему шестнадцатилетию; но праздник не удался – лихие девяностые слопали мой подарочек вместе с прочими сбережениями многомиллионного советского народа. А старик оказался отцом моего отца – и умер прошлым летом, так никогда и не став мне настоящим дедушкой. Отец, как выяснилось, умер годом раньше – от болезни, погубившей не одно поколение русских мужчин – и я, совершенно неожиданно для себя, оказалась единственной наследницей не очень большой квартиры в центре Москвы.

Три месяца назад я перевезла сюда посуду, одежду, десять баночек с чаем и несколько огромных коробок с любимыми книгами, а старую квартиру заперла на ключ, в ожидании тех лучших времен, когда кому-нибудь из друзей понадобится жилплощадь по символической цене. Все в один голос говорили мне, что я дура, и что надо было остаться в старой квартире, а эту сдать каким-нибудь полоумным иностранцам и получать огромные деньги, но я была непреклонна. Я чувствовала себя Скарлетт О'Харой, наконец-то обретшей свою обетованную Тару.

Мне хотелось жить в квартире с окнами на Кремль.

4

В назначенный час, в неброском, но элегантном брючном костюме из черного вельвета, с букетом тюльпанов в руке – сдержанно и небанально, не то что эти торжественные и патетические розы, не говоря уж о кладбищенских гвоздиках – я подошла ко входу в «Овощебазу».

Когда-то «Овощебаза» действительно была настоящей овощной базой, но овощи на ней кончились еще на закате Советской власти. Вместо них появились люди – свободные художники. Свободные от традиций, морали и условностей. И от денег. Художники своими силами очистили овощебазу от гнилья – и зажили своей странной, нищей, но буйно-веселой жизнью. Альтернативные показы мод, выставки, концерты. Вход дешевый, а то и совсем бесплатный. Много творческих идей и того, что способствует появлению этих идей – секса, выпивки, и, конечно же, наркотиков. Вскоре под своды овощебазы потянулись, говоря языком милийского протокола, криминальные элементы. Сперва они продавали публике и художникам дурь и колеса, потом решили из простых участников сделаться хозяевами. На овощебазе зазвучали выстрелы, пролилась кровь... Свободное содружество художников лопнуло, словно аквариум, пробитый пулей. Живая вода ушла в землю, а золотые рыбки, немного побившись и подергавшись, умерли от удушья. Бандитам легко было отобрать у художников волшебный домик, но в их руках он перестал играть музыку и переливаться разноцветными огнями. И они оставили овощебазу – так бросает на землю сломанный инструмент тот, кто ничего в жизни не создал собственными руками.

Овощебаза долго стояла бесхозной – гигантское пристанище бомжей и бродячих собак, но года два назад туда пришли люди с воображением, а главное – со средствами. Нелегальных обитателей овощебазы попросили освободить помещение, по руинам бойко забегали смуглолицые мужчины в белых касках и оранжевых жилетках. И вот – новый центр концептуальных искусств распахнул двери всему актуальному. Даже изгнанные художники вернулись – те, кто не умер от внезапной остановки сердца и не вышел по странной рассеянности в окно десятого этажа. Теперь там, где когда-то лежали капустные кочаны, разместились картины и инсталляции, по соседству раскинулись на открытых полках и широких столах пудовые фотоальбомы с кинозвездами и моделями на обложках, а на месте бывшего картофелехранилища разместился киноконцертный зал.

Теперь, наконец, мне выпал случай своими глазами посмотреть на легендарное место, о котором я так много читала и слышала, но в котором отчего-то – то ли из-за лени, то ли из-за робости – мне до сих пор ни разу не случилось побывать.

Картофелехранилище оказалось просторным помещением с белой сценой и зрительным залом, окрашенным в черный цвет от пола до потолка и заставленным креслами из прозрачного пластика. Жуткий холод царил в зале. Для картофеля, несомненно, такая температура подходила как нельзя лучше, но зрители, уже занявшие в ожидании выступления середину первых пяти рядов, уже успели приобрести приятный глазу синеватый оттенок кожи и покрыться крупными отчетливыми мурашками.

Точнее сказать, не столько зрители, сколько зрительницы – всех возрастов и габаритов, по большей части явившиеся на компаниями по трое. Нарядились все кто во что горазд, каждая в соответствии со своими представлениями о прекрасном, многие оголили по случаю теплого вечера плечи и спины, а кто-то даже жирноватые белые брюшки, – и теперь исполняли роль жертвенных животных на алтаре красоты, с той только разницей, что в древнем мире жертвы на алтарях горели, а современным жертвам предстояло окоченеть. Я невольно порадовалась тому, что не держу в гардеробе откровенных нарядов. Благодаря этому у меня появился шанс пережить вечер, не превратившись в мясной полуфабрикат глубокой заморозки.

Единственное, что хоть отчасти согревало аудиторию – это дружная и неприкрытая неприязнь к элегантной даме, занявшей место в первом ряду. Причин враждебности было несколько. Во-первых, шляпа с длиннющим пером и с густой вуалью. Во-вторых, рост дамы – и без шляпы она возвышалась бы надо всеми, словно маяк на мысу, даже заметная сутулость погоды не делала. Но главное – на плечах у дамы было меховое манто – это в мае-то! Светский шик, требующий надевать вечером меха, вне зависимости от времени года, благодаря арктическому холоду Картофелехранилища превратился во внесловную предусмотрительность, и это благоразумие было последней каплей Яда, переполнившей чашу всеобщей ненависти... Зрительницы, даже те, кому дама в манто никак не могла загородить собой сцену, ерзали от холода и неприязни, переглядывались, выразительно толкали одна другую локтями, шипели друг другу на уху язвительные замечания, адресованные в первый ряд, – некоторые я сумела расслышать почти от самого входа – и метали в даму взгляды, исполненные самого жгучего неодобрения. Неодобрение, впрочем, отскакивало от шляпки и манто, как пушечные пули от танковой брони.

Мужчин среди не слишком многочисленной публики я насчитала только двоих. Судя по их одежде, в Картофелехранилище они были не в первый раз и уже успели оценить особенности здешнего климата. Первый – коротко стриженный крупный блондин – был в растянутом грязно-оранжевом свитере, а второй – худощавый брюнет в кудрях до плеч – в бархатном пиджаке и в бирюзовом шарфике из жатого шелка, несколько раз обернутом вокруг шеи. Из-за романтических кудрей и субличности, я чуть было не приняла брюнета за женщину, но быстро поняла свою ошибку, когда, повернувшись в профиль, он продемонстрировал мне щеку, синеватую от проступавшей из-под кожи щетины. Цвета свитера и шарфика произвели на меня такое сильное впечатление, что я немедленно вынесла их владельцам приговор: семейная парочка. В пользу моего вывода говорило и то, что они, отсели подальше от женщин – на седьмой ряд (хотя кресла в Картофелехранилище и были пронумерованы, на билетах стояли только какие-то синие смазанные штампы, и прочитать можно было только цену, которая, кстати говоря, оказалась не двести рублей, а все пятьсот).

Я присмотрела себе неплохое местечко во втором ряду (на заметном удалении от рокового пера и вуали), но едва я успела пройти мимо разноцветных мужчин, как в зале погас свет. Пришлось поспешно сесть прямо перед ними, на шестой ряд.

– Одни бабы! – удивленно сказал голос у меня за спиной. Ну, точно, геи, я оказалась права! Голос тем временем продолжал: – Может быть, это и правда то, что нам надо. Только что-то маловато народу на него пришло.

– Для вечера понедельника народу вполне достаточно, – отозвался второй голос. – Меня больше радует другое – присутствуют все возрасты: от пионерок до пенсионерок.

– И довольно много симпатичных, прямо удивительно! Я думал, на такие кон-цэр-ты ходят только страшные старые девы.

– Ну, симпатичных не так много, как кажется...

Я не удержалась, и осторожно посмотрела назад. Так и есть, второй голос принадлежал брюнету. Ну, разумеется, стоит ли удивляться, что женщины не кажутся ему симпатичными! Спору нет, это его личное дело, сердцу не прикажешь, не говоря уж о прочих жизненно важных органах, но он ведь даже не дает себе труда говорить потише!

– Ты, Март, слишком привередливый. Видел бы ты, какие к нам метелки собираются на кастинг, ты бы так не говорил.

– Да я просто, в отличие от тебя, сужу не по объему груди, а по выражению глаз.

– Ой, брось заливать-то! Прямо ты с такого расстояния, да за такое недолгое время рассмотрел выражения их глаз! И потом, глаза сокрут, а грудь – никогда.

– Ты забыл, что на свете есть силикон и специальные лифчики.

Пока я невольно прислушивалась к этому диалогу, раздражаясь все больше и больше, по залу пролетел нежный полувздых-полустон и плеск аплодисментов – на сцену вышли двое в смокингах и с гитарами. Но, конечно, вздохи и аплодисменты предназначались только одному. Тому, отлитому из чистого золота, который в луче софита засиял так, что стало больно глазам.

Гитарист сел на стул, Станиславский подошел к микрофону, приглушенно поздоровался и коснулся струн гитары... Улыбнулся, не поднимая глаз и разомкнул безупречные губы:

– В том саду, где мы с вами встретились...

Зал снова тихонько простонал, а я поймала себя на том, что широко, словно на приеме у зубного врача, распахнула рот. Конечно, божество божеством, но я отчего-то никак не рассчитывала, что высшее существо способно, ко всему прочему, еще хорошо петь. Может быть, он еще и думать умеет?

Когда прозвенела и стихла последняя нота романса, зал неистово зааплодировал, а я, очнувшись, обнаружила, что пока на сцене отцветали хризантемы, у меня из рук выпали на пол тюльпаны – и я даже не заметила.

А разговор у меня за спиной, оказывается, продолжался.

– ...я бы сказал, фактура прекрасная. И поет неплохо. Зал держит.

– Экран, к сожалению, не сцена. Там вокруг него не будет сидеть пятьдесят влюбленных теток.

– Послушай, ты сегодня что-то совсем не в духе. Давай отдадим эту роль тебе, а? Я с самого начала предлагал. Петь ты умеешь...

– Ну, конечно, и мне придется влезть на табуретку, чтобы казаться выше Графини с ее тринадцатисантиметровыми каблуками и Виолетты с ее ставосьмидесятисантиметровым ростом.

– Да ладно, обойдемся без табуретки, ты у нас будешь невысоким романтическим героем.

– Романтический герой маленького роста бывает только в комедии...

– То есть, если я буду снимать комедию, ты согласишься на главную роль?

– Не лови меня на слове, пожалуйста. Я не...

– Нельзя ли потише?! – яростно зашипела я, оборачиваясь назад и злобно глядя на брюнета. – Вы мешаете слушать!

– День и ночь роняет сердце ласку... – нежно пропел волшебный голос.

Я повернулась обратно к сцене, все еще kloкоча от раздражения.

И тут глаза цвета старого золота нашли меня в зале. И я мгновенно забыла и о своей злости, и о тех, кто ее вызвал, и о том, кто я такая, и где нахожусь...

И только крошечная – не больше ногтя на мизинце – часть меня не поддавалась чарам, и настойчиво призывала меня держать себя в руках.

Но этого сделать я, конечно, не могла – я не могла держать в руках даже тюльпаны, они все время выскальзывали из слабеющих пальцев, и мне пришлось положить их на колени. Но и совершенно впасть в сладкую истому не могла, как мне этого ни хотелось.

Маленькая, но зловредная трезвомыслящая часть сознания требовала от меня не терять голову, пока я не получу взамен утраченного в свое полное и безраздельное распоряжение сердце того, кто так взволнованно и страстно заглядывал мне сейчас в самую душу.

Ну, пусть не сердце. Но хотя бы тело!

– Только раз... в холодный... зимний... ве-чер...

Перед глазами у меня все поплыло, и я изо всех сил вцепилась в подлокотники, чтобы не потерять равновесие и не съехать на пол. Или – не взлететь над креслами.

– Мне так хочется... лю-бить...

Краткая тишина – и обвал аплодисментов... Я сделала глубокий судорожный вдох, словно человек, только что вынырнувший из-под воды...

– Да, с внешними данными у него все в порядке, а вот с чувством меры плоховато. Наигрывает так, что у меня сейчас начнется сахарная интоксикация, – процедил брюнет.

Господи, дай мне сил не повернуться и не ударить его сумкой!

– И какой-то он непластичный. Шея напряжена, спина деревянная...

– Послушай, ты мне лучше прямо скажи, он нам подходит или нет? Потому что ты в нем уже столько недостатков нашел, а я вот как-то смотрю, и мне, пожалуй, парнишка нравится...

Пергидролевая блондинка в декольте, щедро открывавшем не первой свежести грудь, поднесла Станиславскому букет бордовых роз, усыпанных золотыми блестками и завернутых в модную сетчатую материю ядовито-зеленого цвета. Старику Фрейду наверняка пришлось бы по вкусу и блондинка, и ее букетик, тем более, что та, протянув букет, как бы невзначай оставила свою руку на руке Станиславского. Мизансцена как нельзя более располагала к галантному поцелую в запястье, но Станиславского явно нельзя было ни смутить, ни обескуражить – рука была не поцелована, но пожата с нежной улыбкой и мягким мерцанием желтых глаз.

Я изо всех сил искала в этих глазах хотя бы отблеск насмешки, но нет – там не было на нее даже намека. Насмешка была в самих движениях, в поклоне, в повороте головы, только блондинка, конечно же, не могла ничего заметить – она находилась слишком близко, чтобы заподозрить недоброе. И тут я поняла, что Станиславский, чтобы там не говорили двое, сидящие позади меня, очень хороший актер и очень умный человек.

И кажется, не очень добрый.

Пока я размышляла о свойствах натуры Станиславского, тот уже отправил букет в кучу к другим цветам и сказал в микрофон:

– Для меня огромная радость видеть вас всех здесь и сейчас. Так хочется верить, что эта встреча – не напрасна, потому что музыка остается в сердце дольше, чем любовь. Ведь любовь – это только дым...

В зале снова всхлипнули, гитарные струны снова заныли, и Станиславский запел про дым, попавший в глаза.

– Да, – мрачно сказал кудрявый. – Красоты ему положили с избытком. А вот за умом он в очереди последний стоял.

«Угу, – еле слышно пробурчала я, – а вам, уважаемый, сказали очередь не занимать, на вас все равно не хватит».

– Ой, да брось ты, Март! Он не глупее нас с тобой! Сказал как раз то, что дамочки хотели слышать! Ты просто сноб!

– Хорошо, беру свои слова назад. Надо придумать, как одним словом обозвать человека недалекого, но хитрого. Дурак – слишком расплывчатый и неточный термин, конечно же.

– Ладно, перестань. Красивый мальчик, девкам нравится, что еще надо? Гасов его построит, как надо, будет не герой, а сказка, пальчики оближешь!

– Кто бы сомневался. А раз мальчик неизвестный, ему больших денег платить не надо, очень удобненько. Впрочем, я бы этого мальчика вообще нанимал бы, как брали в старину подмастерьев – без денег, работать за еду и науку. И за славу, конечно. Ты только смотри, заключай с ним договор покабальной, а то потом его не укупить будет.

Всему на свете есть предел. Моему терпению, как оказалось, тоже.

– Уважаемые господа! – прорычала я. – Вы не могли бы беседовать где-нибудь в другом месте?! Здесь идет концерт, если вы до сих пор еще этого не заметили!

– О, простите великодушно, мы совсем упустили это из виду, – склонив голову набок и прижав руку к сердцу, ответил брюнет.

Моя попытка испепелить его взглядом потерпела крах. Похоже, бирюзовый шарфик защищал своего владельца не хуже, чем меховое манто – незнакомку из первого ряда. Впрочем, вся эта амуниция наверняка стоит таких денег, что я не удивлюсь, если она спасает своих владельцев даже от последствий атомного взрыва.

К счастью, вместо взрыва грянули аплодисменты.

– Нет, ты, конечно, прав. Мальчика надо брать. Смазливых дурачков сейчас пруд пруди, но таких красавцев мало. Надо еще написать для него несколько сладких песенок, чтобы он их исполнил в кадре, и одну чувствительно-прекрасную – чтобы звучала на титрах. Рейтинги взлетят до небес, а тут песни и песни можно выпустить на диске, все журналы напечатают на обложках сперва Графиню в новой роли, потом Виолетту в новой роли, а к последним сериям и до нашего мальчика очередь дойдет. Как, кстати, нарекли младенца?

– Будешь смеяться, Константин Станиславский...

– Не буду. Он сейчас цветочки сложит и запоет, я не хочу нервировать барышню, она и так страдает.

Барышня действительно страдала. Ее мучило отчаянное желание дать брюнету сумкой по уху, но воспитание в который раз помешало.

Над залом тем временем поплыло утро туманное, утро седое.

– А ты заметил, – свистящим шепотом сказал толстый, – что чем симпатичнее девушки, тем скромнее у них букеты?

Разумеется, мои тюльпанчики не шли ни в какое сравнение с роскошными букетами немолодых барышень из первых рядов, и значит, эти слова можно было смело принять на свой счет. Я тихонько хмыкнула. И невольно наострила уши в ожидании ответной реплики брюнета.

Но брюнет молчал. Молчал до тех пор, пока романс не закончился. А потом произнес, очень холодно и звонко, так что даже сквозь грохот аплодисментов, многократно усиленный акустикой зала, мне отчетливо было слышно каждое его слово:

– По-моему, сидеть на таких концертах и растрачивать душу, не говоря уж о времени, на какую-то красиво обтесанную дубину – глупость несусветная. Даже симпатичная девушка не должна вести себя как дура. А особой разницы между душой с розами и душой с тюльпанами я не вижу.

Я даже не заметила, как стихли аплодисменты – слишком сильно зашумела кровь в ушах. И почему меня так разозлили слова этого... этого... ух, не могу подобрать нужного слова... ну ладно, этого... человека!

– Мы встретимся с вами после небольшого антракта и вернемся из прошлого обратно в наши дни. Во втором отделении я спою для вас песни наших современников, – Станиславский откланялся и исчез за кулисами.

– Антракт! Как своевременно! – брюнет поднялся с кресла.

– погоди, не торопись,ждемся Виолетту, – сказал блондин.

Я тоже встала, исполненная решимости все-таки пробраться к облюбованному местечку во втором ряду.

Станиславского между тем не отпускала со сцены ненавистная всем зрительницам дама в шляпке и манто. Как выяснилось, ее наряд дополняли перчатки по самые локти. Помогая себе жестами, дама что-то сказала Станиславскому – на его лице по очереди отражались, накладываясь друг на друга, изумление, смущение и радость – и протянула ему небольшую корзинку, полную белых нарциссов. Станиславский взволнованно поцеловал ее обтянутые красным перчаточным шелком пальцы, а меня насквозь прожгло где-то в районе солнечного сплетения.

Дура ты, дура! – одернула я себя. Не успела толком влюбиться, а уже начала ревновать. Он артист, успокойся! Мало ли, кому он целует руки! Мало ли, что он изображает! Он, может, сейчас в образе, и ты никогда уже не узнаешь – в каком. И вообще, неизвестно, где он лучше справляется с ролью – на сцене или за кулисами... Все они играют – кто на гитаре, кто на нервах... Не надоели тебе все эти мастера игры на струнных инструментах? Лучше бы настройщика какого-нибудь поискала...

Пока я распекала сама себя, дама, распрощавшись со Станиславским и позволив ему, наконец, убежать со сцены, уже шла по проходу между рядами в мою сторону.

И тут пришел мой черед разинуть от изумления рот.

Конечно, рассеянный свет и плотная вуаль отчасти скрывали черты ее лица, но остаться неузнанной она могла только в том случае, если бы надела на голову мешок из-под картошки, да и то вряд ли.

Дама в мантио оказалась Виолеттой Луначарской.

Все, конечно, знают, кто такая Виолетта Луначарская, но вдруг вы – исключение? И даже если не исключение – кто же откажется лишний раз прочитать что-нибудь про Виолетту Луначарскую? Таких людей нет, кажется, даже среди самых больших ее ненавистников.

Каждый месяц лицо Виолетты появляется на обложке какого-нибудь глянцевого журнала. Про нее ходят сплетни, быстро становящиеся легендами. Ее обожают. Ее пародируют. Ее ненавидят. О ней известно всё – то есть, разумеется, практически ничего. Чем больше пытаются о ней выведать, тем с большей уверенностью понимают, что тому, кто хочет о ней говорить, рассказать о ней ничего не может, а тот, кто может – не скажет ни слова. Слава пришла к Виолетте на излете девяностых – до сих пор непонятно, откуда взялась эта слава, и неизвестно, откуда взялась сама Виолетта. Когда ей задают вопросы, она дает ответы с самым бесхитростным видом – но по окончании интервью обнаруживается, что сеть пришла из моря пустой, а золотая рыбка опять ускользнула.

Фактов о Луначарской, которые хотя бы кажутся подлинными, не так уж много.

Во-первых, она – известная писательница, но четыре ее романа вышли небольшими тиражами, и я не встречала никого, кто прочел хоть один из них целиком (кроме разве что себя самой). При этом ее биография-интервью была издана огромным тиражом и разлетелась в считанные дни.

А все потому что, во-вторых, Виолетта – знаменитая актриса, хотя в кино она снимается по большей части в ролях второго плана. Обычно никто не помнит ни исполнителя главной роли, ни сюжета фильма. Однако сама Виолетта запоминается прекрасно, и режиссеры буквально бегают за ней, надеясь, что она вытащит на своих хрупких сутуловатых плечах из реки забвения их нетленные шедевры.

В-третьих, Виолетта – телезвезда. Ее коротенькая авторская программа выходит в эфир далеко за полночь, и предсказать, каким будет ее содержание не в состоянии никто на свете, даже, кажется, сама Виолетта. Две из десяти минут, отведенных на передачу, она может сидеть перед камерой, поводить глазами, всплескивать руками, тереть брошку на воротнике блузки и, вздыхая, говорить: «Ну, не знаю!» Зрители замирают – одна половина в восторге, другая – в ярости, приковывающей к экрану сильнее любой любви. «Нет, я вас, честное слово, не понимаю, – словно услышав их, отвечает с экрана Виолетта. – Вместо того чтобы сидеть на диване, пошли бы и приняли ванну. Сейчас я расскажу вам, как это делается, потому что просто лежать в воде может любое бревно. Знает, как сплавляют лес? Огромными такими плотами, и все бревна похожи друг на друга. Ну вот, а если вы не хотите быть каким-то... деревянным обрубок, надо превратить воду в насыщенный раствор. В воде надо растворить энергию. Сейчас я расскажу вам, откуда ее взять». Виолетта наливает в воду молоко, мед, добавляет кокосовую стружку, полбутылки коньяка, лавровый лист, а потом усаживается в ванну прямо в платье и замшевых туфлях и хохочет, закидывая голову. Не в меру впечатлительные граждане выезжают из квартиры на носилках скорой помощи, а те, что покрепче, вытирают рукавом слюну с экрана – и садятся писать негодующие письма на телевидение, в Государственную Думу и лично гражданке Луначарской.

Виолетта прошла мимо, благоухая ароматом духов «Белая роза», и остановилась возле моих соседей.

– По-моему, бесподобный, – сказала она своим неподражаемым ломким голосом. – Ему даже не придется ничего играть. Если его все время мучить на площадке, и не говорить, что он красивый, он будет такой несчастный и достоверный. Потом его испортят, конечно, бедняжку, и он будет сниматься в сериалах про полицию. Но тут уж ничего не поделаешь. Всем рано или поздно придется сниматься в сериалах про полицию. Кроме тех, кто вроде меня, *уже* снялся в фильмах про полицию.

– А разве ты снималась в фильмах про полицию? – озадаченно переспросил блондин.

– Конечно. Я же играла следователя по особо важным делам в предпоследнем фильме, неужели ты его не смотрел?

– Смотрел... Но я что-то не понял...

– Это потому, что ты ни разу не надевала форму, – пришел брюнет на помощь блондину.

– Я надевала. Но этот эпизод пришлось выбросить при монтаже... Очень досадно. Может, тогда меня перестали бы штрафовать гаишники... – Луначарская вздохнула и развела руками: – Да видно не судьба!

– Кстати, Виолетта, – сказал брюнет и неожиданно взял меня за локоть, – вот девушка... простите, прослушал как вас зовут?..

– Ма... ша... – пролепетала я.

– Вот – Маша, большая твоя поклонница и она хотела бы преподнести тебе цветы!

Потрясенная, я посмотрела на тюльпаны, на брюнета – его глаза блестели – на Луначарскую... И протянула ей букет.

– Вот спасибо! Как это неожиданно! Я знаю, что вынесли этот букет тому мальчику на сцене. И очень мило с вашей стороны, что вы вдруг так – раз! – и передумали. Я возьму, но мне страшно неудобно! Я вам за это подарю что-нибудь...

Она скинула с плеча ремень огромной дамской сумки и, поставив ее на подлокотник кресла, погрузила руки в ее внутренности. Достала прозрачный пластиковый контейнер, в котором отчетливо виднелся бутерброд с красной рыбой, три маслины и ломтик лимона, бросила обратно, вынула огромный флакон «Белой розы», снова бросила, вытащила толстую кипу сшитых вместе листов писчей бумаги, сунула в руки блондину, чтобы подержал... Так продолжалось довольно долго, причем бутерброд с красной рыбой возникал с завидной настойчивостью, пока, наконец, Луначарская не издала победный клич и не протянула мне какой-то черный флакончик.

– Вот! Это то, что должна носить при себе буквально каждая девушка!

Флакончик остался в моем потном кулаке, а Виолетта, в сопровождении блондина и брюнета, двинулась к выходу. Оба оказались ниже ее ростом, блондин шел смешной семенящей походкой, а брюнет, хромя, опирался на палку. Все вместе они напоминали персонажей какого-то немого фильма. На прощанье брюнет, обернувшись, насмешливо улыбнулся мне, а когда я в ответ сделала зверское лицо, беззвучно засмеялся и послал мне воздушный поцелуй, чертов нахал.

Когда колоритная троица покинула зрительный зал, и клочкотание внутри меня несколько утихло, я поднесла флакон к глазам. Форма его с самого начала отчего-то показалась мне смутно знакомой. Что это? Духи? Дезодорант?

Этикетка на флаконе гласила: «УДАРНАЯ ДОЗА». И ниже, мелкими буквами: «нервно-паралитический газ».

5

Как только прошло действие обездвижившего меня слезоточивого и удушающего смеха, я поняла, что, если потороплюсь, то смогу получить от Виолетты Луначарской еще один подарок – куда получше первого.

И поторопилась. Так что зрительницы первого ряда, раздумавшиеся от выпитого в буфете кофе с коньяком, к своему большому удивлению, на месте Виолетты Луначарской обнаружили меня, в облаке до сих пор не выветрившейся «Белой розы». Мое появление так озадачило новых соседок, что они до последней минуты концерта время от времени подозрительно косились в мою сторону.

Впрочем, они могли бы просверлить во мне дырку – хоть глазами, хоть дрелью – я бы даже не почувствовала. Выйдя из кулис на сцену, золотое божество устремило на меня такой взгляд, что я позабыла обо всем на свете, включая гнусное начальство, злоязычных геев, невероятные подарки Виолетты Луначарской, нехватку шоколада в организме и, прочнее всего, о неверных и неблагодарных мужчинах вообще и о том, кто так некстати позвонил мне этим утром – в частности.

Уже отзвучали финальные аккорды, уже потускнел свет над опустевшей сценой, похоронив надежды зала на третий бис, и даже самые одержимые поклонницы, спрятав заплаканные платочки и конфетные фантики в сумочки, уже двинулись в сторону выхода.

Я огляделась по сторонам, словно очнувшись от глубокого наркоза. Голова моя слегка кружилась и плохо исполняла свои непосредственные обязанности, поэтому ее хозяйка никак не могла сообразить, что ей делать дальше.

Раздался отчетливый скрип, громкие шаги и откуда-то сбоку вынырнула хмурая девица, бритая налысо, с сережкой в правой ноздре. Девица пронеслась вдоль первого ряда, резко остановилась возле меня – я была готова поклясться, что услышала визг тормозов – и, окинув меня быстрым недружелюбным взглядом, спросила:

– Ты что ли Фрося?

Я открыла рот и, не придумав, что возразить, ответила:

– В некотором роде.

– Ну, тогда пойдем.

На черной джинсовой спине девицы красовалась аппликация в форме черепа, мастерски сооруженная из марлевых бинтов. Мчась во весь опор сквозь узкие и извилистые проходы, загроможденные массивными приспособлениями неизвестного мне назначения, я пыталась выполнить две плохо сочетаемых задачи – не выпустить череп из вида, и не расшибиться насмерть, споткнувшись обо что-нибудь кривое и острое, терпеливо поджидавшее меня в зловещей полутьме кулис.

Воображение, между тем, вопреки всякой очевидности, рисовало мне конечную цель нашей гонки в образе миленькой гримерной, сплошь в парчовых драпировках, белой с золотом мебели и китайских напольных ваз. Ума не приложу, откуда я набралась этой пошлости.

Проскрипев, открылась железная дверь с проступившими поверх потеков серой масляной краски ржавыми крапинками, и передо мной возникла крохотная каморка: колченогое кресло в потертой обивке перед огромным рябым зеркалом, ободранный барный табурет и щербатая раковина с текущим краном, замотанным бурой тряпичей, словно больное горло компрессом...

Что украшало это убогое место, так это цветы. Но стояли они не в напольных китайских вазах, а в ведрах с надписями «КАРХР-МУСОР», «СТОЛОВАЯ ОТХОДЫ», «ВОДА ТЕХНИЧ» и даже «ПЕСОК» – последнее, судя по его красному цвету, было украдено с пожарного

стенда. Именно в этом ведре я увидела уже знакомые мне золоченые розы в ядовито-зеленой обертке.

Посреди жертв, принесенных к алтарю, возвышалось божество во всем великолепии своей молодости и красоты. Станиславский, голый по пояс, сосредоточенно застегивал ремень на джинсах, дымя зажатой в зубах сигаретой. Дым тонкими волокнами поднимался к потолку, на котором тревожно мигал противопожарный датчик. Солнце, пробиваясь сквозь немытое окно, золотило волосы у него на затылке.

– Тебе пожарные по башке не дадут? – поинтересовалась девица.

– Не дадут, – промычал Станиславский, чудом удерживая сигарету во рту. – Они уже здесь побывали. Взяли автограф и ушли.

– Что, пожарные так любят камерную музыку? – изумилась я.

– Нет, просто я не так давно снялся в одном сериале в роли очень, очень положительного пожарника. Теперь мне можно курить где угодно.

Девица буркнула что-то невнятное и растаяла в воздухе.

Станиславский заправил слишком длинный хвост ремня в кожаную петлю и вскинул ресницы на меня. Улыбнулся углом губ, свободным от сигареты, вынул ее изо рта, уронив на линолеум столбик пепла, и спросил:

– Ну, и где же обещанные цветы?

– Мне пришлось отдать их Виолетте Луначарской, – призналась я.

– Ты хочешь сказать, что Луначарская подарила мне цветы, которые отобрала у тебя?! – ужаснулся Станиславский. – Как ей это удалось?! Она угрожала тебе пистолетом?!

– Нет, баллончиком с нервно-паралитическим газом. Но мне удалось ее обезоружить. Тогда она пустила в ход другое оружие...

– Ты ранена? Дай-ка посмотреть...

Не успела я и глазом моргнуть, как он заглянул мне под свитер. Заглянул бы и под юбку, если бы я не отбила эту попытку. Вернее, попытки.

– Я... не... пострадала! Но... сейчас... пострадаешь ты!

Он отступил назад и самодовольно улыбнулся:

– И все-таки я не понял – неужели Луначарская действительно отняла у тебя корзинку с цветами?

– Нет, тебе она подарила свои. А мне пришлось отдать ей мои.

– С какой радости?

– Ну, – я покрутила рукой в воздухе. У меня не было ни малейшего желания вспоминать о наглеце-брюнете, – там было вымогательство иного рода... с участием третьих лиц...

– То есть Луначарская не бандитка, а наперсточница? Как страшно жить! Ты, мать, напрасно губишь свой талант на этом своем «Китеж-Тв». Тебе не тексты к анонсам надо писать, а сценарии к сериалам сочинять, поверь моему опыту. Может, славы и не добьешься, но на свой бутерброд... не с икрой, конечно, но с хорошей сырокопченой колбасой – точно заработаешь...

– Да я бы с удовольствием, – печально сказала я, – но что-то как-то... Впрочем, неважно...

Мне не слишком хотелось рассказывать Станиславскому о моих неудачных попытках вырваться из тесных телевизионных коридоров на широкие просторы кинопавильонов.

Впрочем, божество не заметило моей сердечной смуты, а я, как всякий человек, переживший на своем веку кучу разочарований, уже научилась отгонять от себя неприятные воспоминания с истекшим сроком годности.

Станиславский натянул футболку на свой безупречный античный торс и достал из кармана пиджака мобильник. Удивительно, но божеству понадобилось такси – не золотая колесница на крылатых конях, и даже не лимузин к подъезду.

– Какой у тебя адрес? – вдруг спросил Станиславский, прикрыв телефон рукой.

– Мой? Зачем?

– Улицу назови!

– Котельническая набережная один-дробь-пятнадцать, – смущенно сказала я.

– Ого! – Станиславский поднял брови и повторил мои слова в трубку.

Скрипнула дверь. Я обернулась. На пороге гримерки возникла любительница черепов:

– Ну что, едем?

– Мы еще не закончили с интервью. Сейчас еще с фотографом надо договориться. Так что езжайте без меня.

Девушка посмотрела на меня с подозрением. Уложенная за ухо сигарета делала ее похожей на представительницу какого-то дикого племени.

– Ну, ладно. Вы только не забудьте прислать экземпляр газеты, когда интервью выйдет... как вас там... Фрося! Всем пока!

Дверь захлопнулась. На мой вопросительный взгляд Станиславский пожал плечами и ответил вполголоса:

– Пришлось сказать ей, что ты журналистка из газеты «Культурная жизнь». Она отличный администратор, я без нее как без рук, без ног и даже без головы, но у нее, к сожалению, есть один дурацкий пунктик. Она отчего-то решила, что в ее обязанности входит следить за моим моральным обликом, и поскольку я не могу ни разубедить ее, ни уволить, я стараюсь, чтобы она поменьше знала о моей личной жизни.

Вместо того, чтобы поинтересоваться, означает ли ложь относительно цели моего появления в его гримерке, что моя особа является частью его личной жизни, я сказала:

– Спасибо, конечно, что заказал мне такси, но я, вообще-то, собиралась ехать на метро.

– Со всем этим добром? – и Станиславский широким жестом обвел комнату.

– С каким еще добром?

– С цветами, конечно? Или тебе кресло тоже понравилось? Можешь забрать, если хочешь. Такая вещь, разумеется, украсит любой интерьер.

– Почему это я должна тащить твои цветы к себе домой? – можно было сочинить вопрос и поглупее, но у меня не было времени на размышления.

Божество снисходительно усмехнулось:

– Ну, как бы тебе сказать... Потому что я тебе их дарю.

Я напряглась и выдала еще один идиотский вопрос:

– За какие это заслуги?

Станиславский сделал шаг, другой – и оказался так близко, что я испытала настоящую потребность отступить назад. Но сделать этого не почему-то не смогла. Взгляд янтарных глаз парализовал меня.

– Цветы, – он наклонился к самому моему уху, так что я почувствовала его дыхание, – не вручают за заслуги. Это не ордена...

– Но я...

– Не волнуйся, я помогу тебе их отвезти...

Мы почти соприкоснулись кончиками носов...

– Спасибо, но...

– Только «спасибо»? И все?

– Но...

– Ох уж эти женщины. Все приходится делать самому...

Он наклонился еще чуть-чуть и...

Его мобильник зазвонил.

Станиславский выпрямился – и его губы, едва успев прикоснуться к моим, ушли в недосягаемую высоту и произнесли в трубку:

– Форд-Фокус... 515... Ага, понял... Мы выходим.

Он нажал на экран, отключая звонок диспетчера.

И, стремительно нагнувшись, поцеловал меня.

Мне пришлось вцепиться в его плечи, чтобы не рухнуть на пол.

Когда мы, тяжело дыша, отодвинулись друг от друга, он сказал:

– Кажется, мы про что-то забыли...

– Да? – еле слышно отозвалась я, поднимая с пола выпавшую у меня из рук сумку. – Я что-то не...

– Такси!

Мы выскочили за дверь, с грохотом скатились по лестнице, вылетели на улицу из служебного входа, пометались вокруг крыльца, помчались к главному входу, увидели желтый «Форд», радостно подбежали к нему, запрыгнули на заднее сиденье и принялись целоваться, едва назвав адрес...

Когда мы, наконец, оторвались друг от друга, чтобы набрать немного воздуха, Станиславский вдруг зажмурил глаза и сказал:

– Мы забыли еще кое-что.

– Разве? – удивилась я. – По-моему, мы не...

– Цветы! – трагическим утробным голосом произнес Станиславский.

И мы дружно захохотали, уткнувшись друг в друга лбами.

Вы, наверно, удивитесь, если я скажу, что возвращаться за цветами мы не стали.

6

Он даже не оставил записки.

Я обшарила всю постель. Вытряхнула подушки из наволочек. Изучила каждый миллиметр пододеяльника. Заглянула даже под скрученную жгутом простыню, лежавшую на полу возле дивана.

Ничего не было.

Но я не собиралась сдаваться без боя. Изучающим взглядом окинула я комнату. Весь хлам валялся в ненарушенном беспорядке – таком же, каком я привыкла видеть его уже не первую неделю. То же было и в других комнатах. Толстый слой пыли, вполне пригодный, чтобы заменить собой приграничную контрольно-следовую полосу, остался нетронутым. Нарушители, одетые для маскировки в коровьи копыта поверх чужеземных ботинок, здесь явно не пробегали.

На кухне стояла пустая чашка с изможденным чайным пакетиком, ссутулившимся на дне. Значит, прошедшая ночь существовала в действительности, а не была чрезвычайно ярким сном, а то я уж совсем было поверила, что сама довела постельное белье до такого плачевного состояния.

Несмотря на отсутствие записки про срочный отъезд на заседание Малого Совнаркома, я не была уверена в том, что не разделила горькую участь вдовы Грицауевой (в замужестве Бендер), поэтому еще раз осмотрела домашнюю мебель на предмет повреждений обивки, а также домашнее серебро и фамильные драгоценности на предмет наличия. Все оказалось нетронутым, даже полторы тысячи рублей пятисотенными бумажками (остаток зарплаты), безалаберно положенные на пианино и прижатые от сквозняков бюстиком Петра Ильича Чайковского.

Итак, он (не Чайковский, а Станиславский, разумеется) проснулся – я зашла в ванную – принял душ, вытерся моим полотенцем! – я вернулась в кухню – выпил чаю – я заглянула в холодильник – доел мою докторскую колбасу – я заглянула в хлебницу – и хлеб! – и ушел. Просто ушел, захлопнув за собой дверь. Не поцеловал меня на прощанье, не нацарапал мне что-нибудь вроде «жаль было тебя будить, увидимся вечером, целую, люблю»...

А, кстати, где хрустальные бокалы, из которых мы вчера так романтично пили шампанское?

Я отправилась на поиски. Бокалов не было ни на столе, ни на пианино, ни даже на полу. Недоумевая, я вернулась на кухню.

Неужели он спер бокалы из-под шампанского? Но зачем?!

В тихой задумчивости я потянула на себя дверцу сушильного шкафа.

И обнаружила бокалы.

Они стояли на решетке. В отличие от чашки, вымытые.

Никогда бы в жизни не поверила, что боги способны мыть посуду. Боги вообще не подозревают о существовании грязи, не говоря уж о таких низких материях, как бытовая химия. Наведение чистоты – дело прислужников в храме.

И до чего же приятно узнать, что божества иногда снисходят не только до земной пищи, но и до земных дел.

– Ты мой бог, – запела я приятным голосом, – пусть все об этом знают! Ты мой бог! Ты первым мне сумел открыть любовь – и тебя я благодарю!

Достала из холодильника открытый пакет ряженки. Понюхала его содержимое – и предпочла не рисковать. Все-таки исчезновение божества – еще не повод травиться несвежей ряженкой.

Распахнув дверцу под мойкой, я замахнулась, чтобы бросить пакет в мусорное ведро и остолбенела.

В мусорном ведре было пусто.

Итак, божество вымыло бокалы и вынесло мусор. Но записки не оставило.

– По-моему, – сказала я кувшину с отфильтрованной водой, – это сюжет для триллера. Милого, приятного, уютного триллера в духе «Основного инстинкта». Настораживает только одна вещь...

Я выдержала эффектную паузу. Если бы кувшин умел говорить, он, несомненно, с жадным любопытством спросил бы меня: «Какая?». Но поскольку кувшин даром речи, к сожалению, не обладал, мне пришлось ответить, не дожидаясь вопроса.

– Непонятно, почему я до сих пор жива? Ведь он уничтожил все улики!

На всякий случай, я обследовала квартиру еще раз (в процессе поисков с аппетитом слопав несколько шоколадных конфет). И сделала еще одно открытие – похоже, что кто-то из нас вчера споткнулся о телефонный шнур. База беспроводного телефона валялась на полу за журнальным столиком, а вырванный из гнезда шнур со сломанным штекером – немного поодаль. Это значило, что я уже черт знает сколько времени живу без городского номера.

Воткнув шнур на место и худо-бедно закрепив его скотчем, я проверила, есть ли гудок в трубке и огляделась по сторонам в поисках мобильного, который как-то подозрительно скрылся с горизонта и не подавал признаков жизни.

Но прежде чем я успела его обнаружить, в мою входную дверь затрезвонили так яростно, что я от испуга подпрыгнула на месте и окончательно проснулась.

На цыпочках подкралась к двери и осторожно заглянула в глазок.

И страшно изумилась. Не помню, когда мне в последний раз доводилось видеть с утра в дверном глазке лучшую подругу. Разве что в детстве, когда мы вместе ходили в школу. Но то был другой дом и другой глазок...

Не успела я открыть дверь, как Лилька со сдавленным воплем налетела на меня, затрясла, заревела и заорала сквозь слезы:

– Ты, дура проклятая, ты что делаешь? Я думала, сейчас милицию вызывать буду, дверь ломать, а за дверью – твой труп!

– Да что такое, что случилось? – проблеяла я, вытирая со своего лица Лилькины слезы.

– Ты забыла что ли, что мы с тобой договорились вчера встретиться? – все еще шмыгая носом, спросила Лилька.

– Ой... – сказала я.

– А ты знаешь, что я тебе звонила на мобильник, и ты была недоступна?

– Ой... – сказала я, внезапно припоминая, что вчера выключила мобильник перед концертом, а потом, конечно же, так и не включила, да и когда мне было его включать?

– А ты знаешь, – тут Лилька еще раз встряхнула меня за плечи, – что я стала звонить тебе на городской, а никто не брал трубку? Что я звонила тебе полночи, а потом еще с утра?!

– Ой, мама!.. – сказала я.

– Хорошо, что твоя мама об этом не знает! Я не стала ей звонить! Я мучилась одна! Я чуть не рехнулась к утру! Я боялась – вдруг ты там отравилась или вены себе вскрыла.

– Я?! Отравилась?! С чего?! – искренне удивилась я.

– Да из-за этого дурака Димы!

Честно говоря, я даже не сразу сообразила, о чем речь. Я совершенно, просто намертво забыла о Диме, словно его никогда и не существовало. А заодно, кстати сказать, и о диете – словно Дима и диета шли общим набором.

– ...Я отпросилась с работы, – продолжала ни о чем не подозревающая Лилька, – и поехала к тебе!!!

– Отпросилась с работы? – переспросила я. – А сколько сейчас времени?

– Ты что, так и живешь без часов?!

– Ну, у меня часы в мобильнике, – ответила я.

А кстати, я ведь так и не нашла этот чертов мобильник!

Лилька посмотрела на меня круглыми глазами:

– Между прочим, уже половина одиннадцатого! А ты почему дома? Заболела что ли?

– Пока нет! – завопила я и помчалась в комнату, на ходу скидывая с себя халат. – Но обязательно заболею! А может и умру! Ты меня довезешь до работы?

Лилька прошла за мной.

– Конечн... о. Слушай, а что тут... происходило? – спросила она, изумленно глядя на перекрученную постель.

Я выглянула из шкафа:

– Тебе так прямо и сказать, или ты сама догадаешься?

Лилька всплеснула руками:

– Нет, ну вы только посмотрите! Я ночей не сплю, думаю, что она там помирает, а она! Тем временем!

– А тебе бы больше понравилось, если бы я действительно померла? – прокричала я из недр гардероба.

– Честно говоря, не знаю, – сказала Лилька, обессилено усаживаясь за пианино. – Вот, пытаюсь понять, может, мне самой тебя придушить, для экономии душевных сил и времени?

– Очень, очень хорошая идея! Мне нравится! – я потеряла равновесие, натягивая джинсы, и с грохотом упала в шкаф. – Давай прямо сейчас, а то, знаешь ли, бремя жизни меня тяготит нестерпимо!

– Нет, это потом. Сначала расскажи, кто же тебя так... утешал.

Я вынырнула из шкафа полностью одетая:

– А вот рассказывать и краситься я буду у тебя в машине.

– Вот краситься в машине я бы тебе не советовала. Дороги в Москве не идеальные, а у меня пока еще не лимузин.

– Дороги в Москве, может, и плохие, – усмехнулась я, – зато пробки – хорошие.

Сумка накинута на плечо, рука тянется к лежащей на подзеркальнике связке ключей... И замирает.

Лилька пыталась над рычажками дверного замка, упорно не желавшими с ней сотрудничать, и не заметила, как я, округлив глаза, правой рукой взяла ключи, а левой – лежавший прямо под ними компакт-диск.

На лицевой стороне коробки – божество с полуприкрытыми глазами, в черно-белом цвете – скромничает, делает вид, что оно не из золота, а из мрамора. Я заглянула внутрь, надеясь найти там записку.

И она, можно сказать, там действительно нашлась.

Одна из строчек в списке романсов была жирно обведена черной ручкой:

«Ах, зачем эта ночь так была хороша!»

И подпись, теми же чернилами: К. С.

Лилька справилась с замком и обернулась ко мне:

– Ты мне хоть скажи, кто он, а то меня разорвет от любопытства прежде, чем я дойду до машины!

В ответ я молча протянула ей диск.

И, спохватившись, полезла в сумку, чтобы включить мобильник.

Ожив, мобильник, словно только того и ждал, запищал, затрясся, и сообщил о приходе аж пяти смс-ок сразу:

«Станиславский: О любви не говори... А молчать не в силах – пой! Это намек!».

«Станиславский: Тебе понравился диск? А романс?»

«Станиславский: Черт, я забыл вымыть чашку! Но ты ведь не обиделась?»

«Станиславский: Не знаю, чем ты так занята, но я позвоню тебе вечером!».

Улыбаясь во весь рот, я полезла читать пятую.

Она была не от Станиславского, а от Нюты. И гласила: «Ты где вообще?! Тут такое творится!»

Мое настроение, которое только что сияло и переливалось всеми цветами радуги, лопнуло, словно мыльный пузырь.

7

Подводить глаза в машине я, конечно, не рискнула, а вот губы накрасить – попыталась. К сожалению, попытка совпала во времени с выбоиной в асфальте. После я долго стирала помаду с ноздри и уха, информируя Лильку, что в Серебряном веке – подражая веку Восемнадцатому – румянили именно эти места. Лилька ответила, что тогда мне следовало бы еще нарисовать по всему лицу мушки и напудрить волосы, но едва ли в Восемнадцатом веке одобрили бы мои джинсы в заплаточку и кедик в цветочек, а про Серебряный век и говорить нечего. И напомнила мне про обещание поведать чудесную историю исцеления от Димы.

Нас снова подбросило на выбоине, и губная помада очутилась на моей левой брови. Я достала вторую влажную салфетку из Лилькиного бардачка, и поклялась, что она узнает все не позже, чем сегодня вечером. Если, конечно, мне удастся дожить до той чудесной поры. А рассказывать любовные истории в тот момент, когда где-то там Нюта, возможно, тонет в невзгодах, как княжна Тараканова в Петропавловской крепости, залитой волнами Невы, у меня не было решительно никаких душевных сил.

Лилька только покачала головой:

– Что бы там у вас ни случилось, наводнение или пожар, позвони мне сегодня вечером. Все-таки в Петропавловскую крепость тебя еще не заточили.

Я кивнула и, поспешно отстегнув ремень безопасности, выпрыгнула из машины.

Комната гудела, словно потревоженный улей. Мое появление было встречено дружными завистливыми возгласами. Оказывается, пока я искала по всей квартире следы явления божества народу, на работе состоялось еще одно собрание. От такого известия сердце мое тревожно екнуло. Что-то подсказывало мне, что мое второе подряд отсутствие на собрании не осталось незамеченным. И вряд ли сойдет мне с рук.

На собрании всем сестрам досталось по серьгам. Для каждого из старых сотрудников канала у Синезубова нашлось недоброе слово. Но самым крупным калибром он отчего-то ударил по Нюте. Он сказал, что ее ролики – самый яркий образец не просто непрофессионализма, но дурного вкуса, что она, очевидно, считает себя Тарковским от промотирования, а сама, между тем, занимается тем, что жует сопли, и полагает, что зритель будет это глотать...

– Что, прямо так и сказал?!

– Да, вот именно такими словами!

...что он советует ей повышать квалификацию, чтобы доказать, что она не полностью профнепригодна, и что он не советует ей распивать кофе в рабочее время, особенно если в этом кофе алкоголя больше, чем кофеина!

Речь Дракулы пересказал мне референт Федя, потому что Нюты в комнате не было. После собрания она исчезла, и никто не мог ее отыскать – ни в аппаратных, ни на лестнице, ни в буфете.

Ну, тому, что ее нигде не смогли обнаружить, было вполне простое объяснение. Если учесть, что все сотрудники нашего отдела, кроме меня и Нюты – мужчины, то совершенно очевидно, что найти ее в женском туалете было некому.

Из-за двери самой дальней кабинки – самой просторной, оборудованной биде и отдельным умывальником, и за это прозванной в народе «царской ложей», – тонкими струйками сочился табачный дым. Если прислушаться, то сквозь шум воды можно было слышать сдавленные всхлипы.

– Нюта, ты здесь? – тихонько спросила я.

Щелкнул замок, дверь приоткрылась – и захлопнулась за мной.

Красноносая Нюта уселась на крышку унитаза. В биде плавали шесть окурков – и седьмой полетел туда же на моих глазах.

– Слушай, зачем принимать слова Дракулы так близко к сердцу! Тут же ничего личного, просто ему нужны наши должности, у него сестрины и свояченицы детки еще не все пристроены.

– Я все понимаю, – всхлипнула Нюта. – Но это... Это было так мерзко! И все сидели – все это слушали! И никто не сказал ему, что нельзя так разговаривать... с людьми!

– Все боятся за себя. Всем хочется остаться на этой работе, – мрачно сказала я. – Я бы, наверняка, тоже струсил. И не наверное, а точно. Я-то тут первый кандидат на вылет.

– Нет, первой вылетчу я. Мне это продемонстрировали недвусмысленно.

Внезапно меня осенило.

– Знаешь что? Я сейчас принесу коньяк, ты выпьешь, и тебе сразу же полегчает.

– Ты что?! Дракула уже сказал, что я пьянствую на работе! Ты хочешь, чтобы это подтвердилось?!

– Дракула, если я правильно поняла, сказал, что ты сопли жуешь. Теперь будешь доказывать ему, что на самом деле не жуешь? Если ему действительно захочется уволить нас, думаешь, он не найдет предлога? А если ты так уж боишься, я выпью с тобой!

С этими словами я стремительно вышла из туалета, чувствуя себя членом комсомольского подполья в гитлеровском штабе.

К моему возвращению комната почти опустела. Референт Федя мрачно сказал мне:

– А я теперь подумываю, не сбрить ли мне бороду. Меня Синезубов уже второй раз спрашивает: «А у вас какая должность? У вас есть какие-нибудь вопросы по существу? Нет? А почему у вас тогда такой мрачный вид?». И смотрит, главное, на мой подбородок! А какие у меня могут быть вопросы по существу, когда я делопроизводством занимаюсь? Вот скажи, Маш, у меня что, действительно такой мрачный вид?

– Да нет, не очень.

Внутренний телефон у него на столе зазвонил – и это дало мне возможность незаметно достать из шкафа бутылку коньяка. Спрятав ее под кофту, я шмыгнула за дверь.

Но не успела я, придерживая бутылку на животе руками, сделать и трех шагов по коридору, как прямо передо мной соткалось из воздуха землистое лицо с глазами-остриями, которые и пригвоздили меня к месту.

– Здравствуйте, Людвиг Всеволодович, – прошелестела я.

– Очень приятно, – не утруждая себя приветствиями прошипел Синезубов, – Наконец-то мне сегодня удалось встретить хоть одного редактора промо-роликов. Кстати, вы знаете, что редактор – это пережиток советского телевидения?

– Но в советское время на телевидении не было промо-роликов, – сказала я прежде, чем сообразила, что делать этого, наверное, не следовало.

Землистое лицо Синезубова слегка побурело.

– Я рад, что вы так хорошо изучили историю телевидения и можете теперь поучать меня, который работает на телевидении с той поры, как была построена Шухова башня.

То, что я сказала в ответ, говорить было никак нельзя, и я знала это с самого начала. Но не сказать – не могла.

– Но ведь Шухова башня построена в 1922 году. Неужели вы так хорошо сохранились?

Лицо Синезубова приобрело цвет сырой глины, а зрачки сузились до размеров булавоочных кончиков.

– Я вижу, в эрудиции вам не откажешь. Только вот в работе вам эта эрудиция не поможет. Для того, чтобы писать промо-ролики нужна креативность, надеюсь, вам не нужно объяснять, что значит это слово?

– К сожалению, я не могла нигде прочесть, что такое «креативность». В словарях русского языка, даже в словаре иностранных слов, такой статьи нет. Остается только догадываться.

– Боюсь, вы не сможете догадаться. Тот, кто не обладает креативностью, не может понять, что это такое. Я отсматривал недавно ролики по вашим сценариям. Ваши ролики – не вставляют. Это унылая преснятина для неудачников, таких же как вы – унылых зануд, которые умеют только умничать, но не способны добиться успеха ни в карьере, ни в личной жизни.

Он посмотрел на меня победно. У меня тряслось все – коленки, руки, подпрыгивала челюсть, дрожали губы, дергались веки... Ни дать, ни взять – героиня фильма, застрявшего в видеоплеере!

– Ваше дело судить, как вам вздумается, о моей карьере, но моя личная жизнь вас не касается.

– Разумеется, не касается, ведь у вас ее просто нет, – брезгливо фыркнул Синезубов. – Это уметь надо – проработать несколько лет в отделе, сплошь состоящем из мужиков, и так и не выйти замуж ни за одного из них!

Слезы брызнули из глаз так сильно, что я непроизвольным движением подняла руки к лицу.

Бутылка выскользнула из-под кардигана и упала на пол. От удара тонкое горлышко треснуло и отвалилось. Пахучая коричневая жидкость залила замшевые ботинки и белые джинсы Синезубова.

– Что это? – взвизгнул Дракула, запоздало отпрыгивая назад. – Что это такое?!!

– Это мое заявление об уходе, – неожиданно твердым голосом ответила я.

И вытерла слезы рукавом кардигана.

8

Казалось, что я пришла в себя на дне реки – толща воды тяжело давила мне на лоб, все расплывалось перед глазами... Для полноты впечатления не хватало только шныряющих мимо рыбок, да пузырей воздуха, вырывающихся изо рта и носа при каждом выдохе. Впрочем, приглядевшись, я обнаружила, что лежу, укрытая пледом, на диване у себя в квартире.

В комнату, крадучись, вошла Лилька, тихонько села в кресло, к зажженному торшеру и осторожно зашуршала конфетной оберткой.

– Что это ты там трескаешь втихомолку? – я попыталась говорить грозно, но, боюсь, голос мой прозвучал ненамного страшнее воробьиного чириканья.

– Ну, наконец-то! – обрадовано воскликнула Лилька. – Пришла в себя! Если бы я знала, что ты покатишься по наклонной плоскости из-за этого Димы, ничем не стала бы тебя с ним знакомить.

Упоминание наклонной плоскости заставило меня наморщить лоб и вспомнить, как после разговора с Синезубовым я пришла в туалет, что-то сказала Нюте, села на пол, прямо под автоматическую сушилку для рук, работающую на фотоэлементах – так что в макушку мне ударила струя горячего воздуха – и сознание, поставив меня на автопилот, благоразумно удалилось по своим делам. Все мои дальнейшие действия и перемещения в пространстве терялись в густом тумане.

– Если я куда-то качусь, почему я этого не чувствую? – прошелестела я и перенесла туловище из лежачего положения в сидячее.

И, как оказалось, напрасно. Все предметы в комнате сорвались со своих мест и помчались вкруговую, а я, простионав, упала обратно.

– Теперь почувствовала? – Лилька подошла и села у меня в ногах. – Нет, серьезно, ты меня пугаешь, я тебя не узнаю. Вчера притащила к себе первого встречного, а сегодня вообще...

– А что сегодня? – надеясь на лучшее и опасаясь худшего, жалобно спросила я.

Опасения мои подтвердились. Оказалось, что под вечер я позвонила Лильке и, путаясь в словах, попросила ее заехать за собой к Алексею Толстому. К счастью, догадливая Лилька сообразила, что речь идет о памятнике. Прибыв на мой зов в маленький скверик между Большой и Малой Никитскими улицами, Лилька нашла на залитой закатными лучами солнца скамейке меня и Нюту, с невероятным подъемом и напором исполняющих «Варшавянку». В руках мы держали пластиковые стаканчики, а на скамейке между нами криво стояла, так и норовя упасть, литровая бутылка мартини – к Лилькиному приходу уже почти пустая. Спев про враждебные вихри и темные силы, мы принялись истово креститься на Церковь Большого Вознесения и слезно умолять Матушку-Богородицу помиловать нас, грешных, ибо не ведаем, что творим.

– Всю жизнь считала тебя тихоней и скромницей! А ты, оказывается, какая-то порочная особа! – с каким-то даже восхищением воскликнула Лилька.

– Да к тому же еще и безработная, – мрачно сообщила я.

– Тебя что, уволили с работы за пьянство? – ужаснулась Лилька.

– Ну, почти... Так, я должна позвонить Станиславскому. Он должен меня утешать, потому что это все из-за его чертова коньяка! Где мой мобильник?

– Вы что, перед мартини еще и коньяк пили? – ужаснулась Лилька.

Я неосмотрительно покачала головой и снова застонала – вспугнутые вещи опять запорхали по комнате.

– Так, – строго сказала Лилька. – Позвонить ты всегда успеешь. Сначала расскажи мне, наконец, все по порядку. А то в твоей жизни произошло столько событий, а я ничего не знаю.

И я рассказала, предварительно запив минеральной водой активированный уголь – Лилька скормила мне его целую пачку, уверяя, что он должен нейтрализовать разрушительное действие алкоголя на мой непривычный к пьянству и разврату организм. Правда, каким образом активированный уголь должен помочь мне еще и от разврата, она не уточнила.

– Что-то тут не так, – постановила Лилька, дослушав мою историю до конца. – Не нравится мне все это. Божество... Цветы... Виолетта Луначарская... Нет, правда, настоящая Луначарская?

– Девятьсот девяносто девятой пробы. А ты просто завидуешь!

– Ну да, есть чему. Парень пропал, а работа накрылась медным тазом.

– Чем сыпать соль на раны, заварила бы лучше чаю. Там в бело-синей баночке лежат такие зеленые шарики, их надо сперва...

– Так, могу предложить тебе на выбор – либо я беру какой-нибудь простой цейлонский и завариваю его как умею, либо вообще будешь у меня пить чай из пакетиков...

– Делай, как знаешь, – голосом, полным страдания, ответила я. – Я тебя прощаю только потому...

– Что я твоя самая лучшая подруга и без меня тебе не прожить! Как только тебе не надоест эта грубая лесть! – сказала Лилька с чрезвычайно довольным видом.

Пока Лилька звенела на кухне посудой, я, набравшись мужества, встала с дивана и нетвердой походкой отправилась на поиски своей сумки, в которой должен был лежать мобильник – во всяком случае, мне очень хотелось на это надеяться.

Мобильник действительно нашелся в сумке, но дозвониться до Станиславского мне не удалось. Ни в первый раз, ни во второй, ни в десятый. Ни в триста пятьдесят тысячный с половиной раз.

Лилька, с неодобрением, хотя и не без жалости наблюдавшая за моими настойчивыми, но безуспешными попытками:

– Слушай, ведь у него включена эта услуга, как бишь ее, когда ему приходит эсэмэска обо всех неотвеченных звонках, ну, пока он был недоступен. Вот будет весело, когда окажется, что ты ему звонила триста пятьдесят тысяч с половиной раз. Что он о тебе тогда подумает?

– Он подумает, что у меня на мобильнике залипает кнопка вызова, – мрачно ответила я. – А я не буду его в этом убеждать.

– Ой, вот нашла дурака! Думаешь, он тебе поверит?

– Не поверит, конечно. На то он и Станиславский. Так прямо и скажет: «Не верю!».

Мы захихикали, а мобильник у меня в руке зазвонил. Чуть не выронив его из рук я с надеждой посмотрела на дисплей... Но надежда умерла, едва родившись – звонила Нюта.

– Знаешь, что? Я вот сейчас проснулась и поняла, что мы с тобой должны обнулить наш счетчик утрат, – сказала Нюта заунывным голосом. – Потому что мы с тобой потеряли работу, и теперь все остальные потери кажутся пустяком на этом фоне.

– Хорошо, – сказала я мрачно. – Договорились. Это все, что ты мне хотела сообщить?

– Нет! Я хочу тебе сообщить, что я вот тут проснулась и обнаружила, что посеяла книжку Шопенгауэра, которую брала с собой, чтобы читать в транспорте, косметичку и правый мокасина! Так что у нас с тобой счет 3:0 в мою пользу!

– Слушай, а я тут потеряла молодого человека. Буквально. Это потеря считается? Предлагаю выписать мне за такую потерю пять... нет, десять очков!

– Так ведь молодого человека ты потеряла вчера, а работу мы потеряли сегодня!

– Нет, это уже другой, я потеряла еще одного.

– Ну уж дудки! Потерянные парни считаются не будут! погоди, а кого это ты еще потеряла?

– Какая теперь разница, – мрачно ответила я и с тяжелым вздохом нажала на кнопку отбоя.

9

Под окнами взывала сирена – кто-то по служебной надобности пытался прорваться сквозь пробку на набережной – и вернула меня к действительности. И к забытой на блюдце чашке. Я сделала поднесла чашку к губам и сделала глоток.

И обнаружила, что юннань остыл и потерял всякий вкус, а сидящая за ноутбуком Нюта продолжает рассуждать вслух, целеустремленно шелкать мышью и зачитывать мне найденное:

– Ага, вот, смотри, это уже для тебя: «Редактор интернет-сайта. Обязанности: Обеспечение постоянного притока сообщений в ленту новостей, написание пресс-релизов, перевод и литературная обработка англоязычных новостей, подбор изображений, интервьюирование ведущих представителей отрасли, написание и редакция обзорных и аналитических статей, репортажей с выставок и пресс-конференций...»

– Ничего себе! И что обещают за такую непыльную работенку?

Нюта фыркнула, не отводя взгляда от монитора ноутбука.

– Обеды за их счет, соблюдение ТК, полный рабочий день, офис в Алтуфьево и...

– Ни за какие деньги, – я посмотрела на монитор. – Ну – уж не за такие – точно!

– Подумайте, какая цаца! Посмотрим, что ты дальше запоешь... А это?

Она продолжала говорить, но я уже не слушала. Мысли мои вновь унеслись далеко.

Телефон Станиславского продолжал отвечать мне металлическим женским голосом. Поймать божество на «Китеж-ТВ», хотя бы для того, чтобы заглянуть в его бессовестные янтарные глаза, мне тоже не удалось. Когда я вчера явилась на теперь уже бывшую работу за расчетом, специально подгадав свой приход к начитке текстов, оказалось, что озвучание уже состоялось. «У него какой-то аврал, поэтому он попросился прийти пораньше!» – сказал Илюша, размешивая растворимый кисель в кружке, которая еще совсем недавно принадлежала мне. Если бы не Илюшины слова, я заподозрила бы, что никакого Станиславского вовсе не существовало, что это просто плод моего воображения, не в меру разыгравшегося с горя от крушения надежд по поводу Димы.

Впрочем, нет худа без добра. Образ Димы в моем сердце настолько стерся, что я и вспоминала-то о нем только в связи с таинственно исчезнувшим Станиславским.

Надо сказать, в моей жизни хватало проблем и без испарившегося божества.

Уже второй день – вторые сутки, если быть точной – мы с Нютой пытались сообразить, что нам делать с нашими молодыми жизнями, внезапно оказавшимся никому на свете не нужными. Мы составляли резюме, писали синопсисы сериалов и сочиняли заявки на документальные фильмы. Мы облазили все рекрутерские сайты, изучили вакансии всех популярных каналов и продюсерских фирм. Мы оставили свои координаты во всех кадровых агентствах. Мы расширили круг поисков, решив не ограничиваться одним телевидением. И чем больше мы искали, тем сильнее овладевала нами тоска. Впрочем, друг перед другом мы изо всех сил симулировали бодрость и веру в светлое будущее.

Еще вчера был ясный день, солнце золотило купола кремлевских соборов и оплетку рубиновых звезд, и казалось, что ничего страшного не произошло, и все у нас получится. Но сегодня небо затянуло тучами, Москва-река под моими окнами стала серой, почти без блеска, от машин, мчавшихся по набережной, поднимался вверх густой дым... А я пыталась понять – что я сделала не так? Почему он не звонит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.